

Убийство в стиле винтаж

Автор:

[Найо Марш](#)

Убийство в стиле винтаж

Найо Марш

Золотой век английского детективаРодерик Аллейн

Однажды ночью Альфреда Мейера, директора театральной труппы, едва не столкнули с мчавшегося поезда. Однако на этом его «неприятности» не закончились. На праздновании дня рождения его жены – актрисы Каролин Дэйкрес – Мейер был убит ударом... бутылки шампанского.

Инспектор Аллейн начинает расследование и знакомится с актерами театра – людьми яркими и весьма противоречивыми, никогда не снимающими маски.

Найо Марш

Убийство в стиле винтаж

Посвящается Аллану Уилки и Фредисуайд Хантер-Уоттс –

в память о нашей поездке в Новую Зеландию

Ngaio Marsh

VINTAGE MURDER

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств Aitken Alexander Associates Ltd. и The Van Lear Agency

© Перевод. Соколов В.Н., 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Предисловие

Несмотря на то, что я полностью разделяю мнение тех критиков, которые выступают против создания вымышленных мест в реальных странах, должна признаться: на Северном острове Новой Зеландии нет городка Миддлтон, и за этим названием не скрывается какой-либо из настоящих городов. Дело в том, что самый крупный город в Новой Зеландии не превосходит по своим размерам, скажем, Саутгемптон. Если бы я поместила «Комедийную труппу Дэйкрес» в Окленд или Веллингтон, то детективов Уэйда, Пакера и Касса, не говоря уже о докторе Ранги Те Покиха, могли бы счесть за портреты, вернее, карикатуры на местных жителей. Расположив Миддлтон на новозеландских равнинах к югу от Охакуна, я избежала подобной опасности и могу с чистой совестью заявить, что

все действующие лица в этой истории вымышлены и не имеют никакого отношения к реальным людям.

Действующие лица:

Родерик Аллейн, старший инспектор Скотленд-Ярда

Комедийная труппа Каролин Дэйкрес:

Сьюзен Макс, характерные роли

Хейли Хэмблдон, ведущий актер

Кортни Бродхед, второй инженерю

Сент-Джон Акرويد, комик

Каролин Дэйкрес, ведущая актриса

Альфред Мейер, ее муж, владелец и директор-распорядитель «Инкорпорейтед Плэйхаус лимитед»

Валери Гэйнс, дебютантка

Джордж Мэйсон, партнер Мейера, коммерческий директор «Инкорпорейтед Плэйхаус лимитед»

Тед Гаскойн, помощник режиссера

Френсис Ливерсидж, первый инженерю

Брендон Вернон, характерные роли

Обслуживающий персонал:

Фред, главный механик

Берт, рабочий сцены

Боб Парсонс, гример

Гордон Палмер, юнец

Джеффри Уэстон, его ментор

Доктор Ранги Те Покиха, врач-маори

Новозеландская полиция:

Инспектор Уэйд

Сержант Пакер

Сержант Касс

Инспектор Никсон

Синглтон, вахтер в театре

Глава 1

Пролог в поезде

Высокий мужчина дремал и почти не слышал шума поезда. Он отошел куда-то на задний план, и все его внимание захватили кружившиеся перед ним фантастические лица. Мужчина смутно думал: «Я сплю, это только сон». Потом его тряхнуло: состав запыхтел громче и, набирая ход, загремел по перекладинам моста. Фантастические лица исчезли. Ему было холодно и неудобно. Он в сотый раз открыл глаза, чтобы взглянуть на тусклые лампы вагона и лица пассажиров, мертвенно-бледные и почти зловещие в контрастной игре света и теней.

«В странную компанию я попал», – подумал он.

Прямо напротив сидел ведущий актер театра – добродушный здоровяк, покачивавшийся в такт вагону с видом человека, привыкшего к тяготам дорожной жизни. Тряпичным свертком, примостившимся рядом с высоким мужчиной, была мисс Сьюзен Макс, актриса на характерных ролях. Будучи ветераном труппы, она провела сотни бессонных ночей во время бесчисленных гастролей: у себя в стране, в Австралии, в английской глубинке – пока не нашла уютное местечко в «Инкорпорейтед Плэйхаус» в лондонском Уэст-Энде. Прошло уже двадцать лет с тех пор, как она впервые вышла на подмостки в Веллингтоне. И вот теперь, спустя два десятилетия, снова вернулась в Новую Зеландию. Мисс Сьюзен немигающим взглядом смотрела на тусклые отражения в окне вагона. Место напротив нее было пусто. В соседнем отсеке сидел Джордж Мэйсон, унылый и болезненный директор труппы, и играл в бесконечный вист с помощником режиссера Тедом Гаскойном.

Там же, рядом с Брендоном Верноном, качая головой с видом китайского болванчика, пристроился комик Акройд – его забавная физиономия совершенно не соответствовала желчному характеру. Напротив Мэйсона беспокойно ерзал на месте бледный юноша. «С этим пареньком явно что-то не так, – решил высокий мужчина. – Начиная с Панамы...» Он поймал взгляд юноши и через его голову бросил взгляд на мистера Френсиса Ливерсиджа – актера-инженю, одетого как английский денди и с холодным видом принимавшего обожание сидевшей рядом мисс Валери Гэйнс. Позади него в дальнем конце вагона маячили еще какие-то смутные лица и фигуры. Английская комедийная труппа Каролин Дэйкрес совершала свое новозеландское турне.

Он чувствовал себя чужаком. Все эти люди держались особняком и казались одним целым. Само поведение в этом грохочущем поезде, мчавшемся сквозь незнакомую страну, выделяло их среди других путешественников. Впадая в дрему, он видел этих людей в каких-то древних допотопных поездах, в фургонах и повозках, пешими или верхом, с дорожными палками и узелками, но всегда особенных, всегда непохожих на других. Вот они сидят на своих местах, дружно качая головами, туда-обратно, туда-обратно...

Его разбудил сильный толчок. Поезд замедлил ход. Он протер запотевшее стекло, приставил ко лбу ладонь и попытался разглядеть, что происходит снаружи. В небе взошла луна. Он увидел пологие холмы, кучки обгоревших деревьев, заросли неведомых кустов, усыпанных белыми цветами, и пустынную дорогу. Все это выглядело странным и чужим. Где-то впереди засвистел паровоз. Деревья, холмы и дорога тронулись с места и уплыли прочь. Некоторое

время за окном тянулась цепочка фонарей. Потом и она исчезла.

Обернувшись, он увидел, что Сьюзен вытирает глаза носовым платком. Она виновато улыбнулась.

– Эти белые кусты называются манука, – сказала она. – Всегда цветут в это время. Я совсем забыла.

Наступило долгое молчание. Высокий мужчина переводил взгляд с одной тусклой фигуры на другую. Наконец он почувствовал на себе взгляд Хэмблдона.

– Считаете нас чудиками? – спросил Хэмблдон таким тоном, словно это доставляло ему большое удовольствие.

– Почему вы так решили? – быстро отозвался высокий мужчина.

– Я заметил, что вы смотрите на нас, и мне стало интересно, о чем думаете. Так как, считаете нас чудиками?

Он подался вперед, чтобы не мешать Сьюзен Макс и перекричать грохот колес. Высокий мужчина сделал то же самое. Они почти соприкоснулись головами под мутной лампой, напоминая со стороны заговорщиков.

– Это было бы ужасно грубо с моей стороны, – ответил высокий мужчина, – особенно после той любезности, которую вы мне оказали.

– Любезности?.. А, вы про то, что Джордж Мэйсон пригласил вас в наш вагон?

– Да. Иначе мне пришлось бы сидеть на лавочке вместе с коммивояжерами, между болтающейся дверцей и уборной.

Хэмблдон тихо рассмеялся.

– Да уж, – согласился он, – чудики – компания далеко не худшая.

– Но я не говорил...

– Даже если бы сказали, меня бы это не удивило. Актеры – сомнительные типы.

– Последний человек, от которого я это слышал, был актером – и убийцей, – заметил высокий мужчина.

– Правда? – Хэмблдон откинул голову. – Вы случайно не о Феликсе Гарднере?

– О нем. Но как вы...

– Теперь я знаю, кто вы такой. Ну конечно! Как глупо с моей стороны! Ваши фотографии были во всех газетах. А я все думаю, где я вас видел?

Его собеседник покосился на Сьюзен Макс. Она мирно дремала, уткнувшись тройным подбородком в воротник. Ее тело ритмично покачивалось в такт движению поезда.

– Ей известно, кто я, – сообщил высокий мужчина, – но я попросил меня не выдавать. У меня отпуск.

– Я мог бы догадаться по вашей фамилии. Все-таки память – ненадежная штука. И потом, без ваших, так сказать, регалий...

– Ну да. Меня неправильно записали в списке пассажиров.

– В любом случае это очень интересно. Не бойтесь, я вас не выдам.

– Спасибо. После Миддлтона наши пути разойдутся. Я останусь на пару дней, чтобы осмотреться и сходить на ваш спектакль, а потом отправлюсь на Южный остров.

– Может быть, еще встретимся, – сказал Хэмблдон.

– Надеюсь, – сердечно ответил его собеседник.

Оба дружелюбно улыбнулись и после неловкой паузы откинулись на свои места.

Поезд с грохотом летел по рельсам и все больше ускорял ход. «Ход-вперед, ход-вперед» – лихорадочно отстукивали колеса, словно им наскучила вся эта поездка. По вагону прошел проводник и погасил лампы. После этого бледные лица пассажиров стали еще мертвенней и неподвижней. В воздухе висел запах табачного дыма. Все выглядело затхлым и унылым. Шум состава перекрыл хриплый смех мисс Валери Гэйнс, упивавшейся остроумием мистера Ливерсиджа. Потом она встала с места – немного мешковатая в своем меховом пальто – и двинулась по узкому проходу. Покачиваясь и хватаясь за спинки сидений, она споткнулась и упала на колени Джорджа Мэйсона. Тот безразлично пошлепал ее по спине и скорчил гримасу Гаскойну, который пробормотал что-то вроде: «Дитя природы». Мисс Гэйнс взвизгнула и вскочила на ноги. Проходя мимо Хэмблдона и высокого мужчины, она остановилась и сказала:

– Я иду в спальное купе. Здесь это «люксом» называют. Боже, что за поезд!

Пошатываясь, девушка пошла дальше. Когда она открыла дверь, в вагон хлынул железный грохот и лязг колес. С улицы ворвался влажный ночной воздух с едким запахом дыма. Какое-то время девушка возилась с дверью, стараясь закрыть ее с внешней стороны. Они увидели, как мисс Валери маячит за матовой панелью, борясь с ветром. Потом Хэмблдон встал, захлопнул дверь, и девушка исчезла.

– А вы взяли себе спальное купе? – спросил высокий мужчина.

– Нет, – ответил Хэмблдон. – Заснуть я все равно не засну, а в купе будет только хуже.

– Наверное, вы правы.

– Каролин и Мейер уже спят. Из всей труппы только они решили взять себе спальные места. Ну, и юная леди, которая любит сорить деньгами. Я про Валери.

– Да, я заметил это еще на корабле. Кто она? Старина Пофмрет Гэйнс, наш капитан, не ее родственник?

– Она его дочь. – Хэмблдон снова подался вперед. – Сложите Академию драматического искусства с кучей карманных денег, ненасытной жаждой славы и желанием увидеть слово «актриса» в своем паспорте – и вы получите Валери

Гэйнс.

– Хорошо она играет?

– Ужасно.

– Тогда как...

– Помфрет, – коротко объяснил Хэмблдон, – и связи.

– Не самый честный путь в слишком популярную профессию.

– Так уж у нас все устроено, – пожал плечами актер. – В театральных делах повсюду сплошной блат и кумовство. И это всего один пример.

Голова Сьюзен Макс стала клониться набок. Хэмблдон взял дорожную подушку и подсунул ей под щеку. Она не проснулась.

– Вот кто настоящая актриса, – сказал он, снова подавшись вперед. – Ее отец был антрепренером и с детства играл в труппе своего отца. Сьюзен гастролирует уже больше сорока лет. Это у нее в крови. Она может сыграть кого угодно, от светской дамы до проститутки, и сыграть отлично.

– А мисс Дэйкрес? Или лучше сказать – миссис Мейер? Я всегда путаюсь с женатыми актерами.

– Всегда и везде она была Каролин Дэйкрес. Ну, если не считать гостевых книг в отелях. Каролин – великая актриса. И не думайте, что я говорю это для красного словца. Она правда великая. Ее отец был сельским священником, но по материнской линии у нее, кажется, есть какая-то связь с театром. Каролин вступила в гастролирующую труппу, когда ей было семнадцать. Восемь лет она ездила по провинциям, пока не устроилась в Лондоне. С тех пор ее единственным занятием был театр. – Хэмблдон замолчал и с извиняющимся видом развел руками. – Боюсь, я слишком много болтаю о своей работе.

– Почему бы нет? Я люблю, когда люди говорят о своей профессии, и не понимаю, почему это не нравится другим.

– Но сами этого не делаете.

Высокий мужчина поднял одну бровь.

– Я в отпуске. Когда мисс Дэйкрес вышла замуж за мистера Мейера?

– Десять лет назад, – коротко ответил Хэмблдон.

Он обернулся и бросил взгляд в глубину вагона. Театральная труппа Каролин Дэйкрес устраивалась на ночь. Джордж Мэйсон и Гаскойн закончили игру в вист и натянули пледы до самых подбородков. Комик накрыл голову газетой. Юный Кортни Бродхед еще бодрствовал. Мистер Ливерсидж дремал с открытым ртом, и черты его лица, безупречно подтянутые днем, несколько обвисли. Собственно, спали все, кроме Бродхеда. Хэмблдон взглянул на часы.

– Полночь, – сказал он.

Полночь. Незнакомая страна, быстро мелькавшая за окнами, тоже погрузилась в сон. Озаренные луной одинокие фермы, стада овец, дремавшие или щипавшие свежую траву, крутые холмы, волна за волной пробегавшие в оконных рамах, и усыпанные белыми цветами заросли кустов, которые заставили прослезиться Сьюзен: все это было совсем рядом – только руку протяни – и в то же время в каком-то другом мире, не имевшем никакого отношения к бешено мчавшемуся поезду с его торговцами, актерами и туристами.

Ему пришло в голову, что очарование железнодорожных путешествий как-то связано с этим странным противоречием между отчужденностью окрестного пейзажа и сознанием того, что он совсем близко. На любой станции можно разрушить чары и выйти из поезда в реальный мир. Но пока мы остаемся в вагоне, все, что находится снаружи, выглядит только сном. Прекрасной сказочной страной... Он закрыл глаза и почти сразу же заснул, погрузился в поток долгих и тревожных сновидений, которые постоянно нарушало чувство дискомфорта. Проснувшись в очередной раз, он обнаружил, что окоченел от холода. Хэмблдон, как он заметил, все еще не спал.

Их состав все время поворачивал. Высокий мужчина представил себе гигантский штопор, по которому поезд нарезает бесконечные круги. Он взглянул на часы.

– Господи, помилуй, – пробормотал он. – Десять минут третьего. Не нужно было спать. Сон сидя – это какое-то недоразумение.

– Десять минут третьего, – повторил Хэмблдон. – Самое время для задушевных разговоров. Вы уверены, что не заснете?

– Абсолютно. О чем мы говорили, пока я не отключился? О мисс Дэйкрес?

– Да. Вы спрашивали о ее браке. Трудно сказать, почему она решила выйти замуж за Альфреда Мейера. Во всяком случае, не из-за того, что он крупная шишка в «Инкорпорейтед Плэйхаус». Каролин не нуждается в таких подспорьях. Она сама себе хозяйка. Возможно, она вышла за него потому, что он – воплощенная заурядность. Это позволяет сбалансировать ее собственный характер. У нее поистине артистический темперамент.

Высокий мужчина поморщился. Хэмблдон употребил выражение, которое он не выносил.

– Не поймите меня неправильно, – серьезно продолжал актер. – Алф – хороший парень. Он прекрасно разбирается в делах. Но... Скажем так – романтизма в нем немного. Он живет только бизнесом. Организовали дело двое – Алф и Джордж Мэйсон. Я работаю в «ИП» уже двенадцать лет. Играл в восьми пьесах, и почти всегда в паре с Каролин.

У Хэмблдона была актерская привычка придавать каждой своей фразе драматический характер. Он говорил красивым, хорошо поставленным голосом, в котором звучали романтические нотки.

– Она чудесный человек, – добавил он.

«И из этого следует, – заключил его собеседник, – что он в нее влюблен».

Он вспомнил свое долгое морское путешествие с Каролин Дэйкрес в роли признанной звезды, но, слава богу, не «великой актрисы». Она и ее бледный, пухлый, незаметный, малоинтересный муж всегда сидели на палубе вдвоем: он с портативной пишущей машинкой, а она – с открытой книгой. Очень часто рядом с ней оказывался Хэмблдон, тоже с книгой. Оба никогда не участвовали в

ночных покерных баталиях, которые устраивали Кортни Бродхед, Ливерсидж и Валери Гэйнс. Вспомнив об этих людях, он обернулся. Бродхед по-прежнему сидел с открытыми глазами, глядел в темное окно. Словно почувствовав на себе взгляд, Бродхед дернул головой, резко встал и зашагал через весь вагон. И, проходя мимо них, обронил:

– Пойду в тамбур. Подышу свежим воздухом.

– Вот у кого ветер в голове, – заметил Хэмблдон, когда за ним закрылась дверь. – Прожигает деньги почему зря. Хотя с его гонораром особо не пофоришь.

Они посмотрели на стеклянную дверь, за которой темнела спина Бродхеда.

– Я беспокоюсь об этом пареньке, – продолжал Хэмблдон. – Конечно, это не мое дело, но я не могу спокойно смотреть, как он катится вниз.

– Игра идет по-крупному?

– Я видел пачку пятифунтовых банкнот. Заглянул как-то в курилку перед сном. Ливерсидж выиграл все. Кортни весь побледнел. В начале поездки я пытался его урезонить, но потом он связался с этой парочкой – щенком и его хозяином.

– Вы о Уэстоне и Палмере?

– Да. Они тоже в поезде. Боюсь, малец теперь от нас не отвяжется.

– Заядлый театрал?

– Про таких говорят «фанат». Вертится вокруг Каролин. Думаю, вы заметили. Она говорила мне, что его отец – сэр Какой-то-там Палмер, богач, – отправил его в Новую Зеландию вместе с Уэстоном, чтобы научить уму разуму. Уэстон – его кузен. Я слышал, парня с треском выгнали из частной школы. Дорожные сплетни.

– Странно, – заметил высокий мужчина, – что некоторые англичане до сих пор считают доминионы чем-то средним между мусорной корзиной и чистилищем.

– Вы сами не из колоний, верно?

– Да, но я не имею таких предубеждений. Кажется, мы останавливаемся.

Где-то вдалеке просвистел гудок, потом дружно захлопали двери, и мужской голос выкрикнул что-то неразборчивое. Постепенно звуки приближались и становились громче. Наконец дверь в их вагон распахнулась, и появился проводник.

– Станция Охакун, стоянка пять минут, предлагаются легкие напитки, – объявил он и последовал дальше.

Бродхед отступил в сторону, чтобы дать ему пройти.

– Легкие напитки! – воскликнул Хэмблдон. – Что они имеют в виду?

– Не знаю. Скорее всего, кофе. А может, просто глоток свежего воздуха.

– Наверное, вы правы. Как, он сказал, называется станция?

– Я не разобрал. Похоже на какой-то стих или заклинание.

– О-ха-кун, – неожиданно подала голос Сьюзен Макс.

– А, Сьюзи, вы уже проснулись? – спросил Хэмблдон.

– Я вовсе не спала, дорогуша, – возразила Сьюзен. – Трудно назвать это настоящим сном.

– Надо же, я успел забыть, что вы австралийка.

– Я не австралийка. Я родилась в Новой Зеландии. До Австралии четыре дня пути от...

– Знаю, знаю, – перебил Хэмблдон, подмигнув высокому мужчине.

– Как вы можете такое говорить, – возмущенно продолжала мисс Макс. – Мы не любим, когда нас называют австралийцами. Хотя я ничего не имею против оззи. Они мне просто безразличны.

За окнами проплыла цепочка желтых фонарей. Поезд остановился и испустил глубокий вздох. В вагоне слышались возня и зевки пассажиров.

– Будь проклят тот день, когда моя матушка встретила с моим отцом, – пробурчал комик.

– Пойдемте на улицу, – предложил Хэмблдон высокому мужчине.

Они направились к двери. Бродхед все еще стоял в тесном тамбуре. Он поднял воротник и надвинул на глаза шляпу. Вид у него был угрюмый и подавленный. Двое мужчин спустились на платформу. После духоты в вагоне ночной воздух казался кристально-чистым. В нем чувствовалось что-то острое и бодрящее.

– Пахнет как в цветочном магазине, – заметил Хэмблдон. – Мхом, влажной землей и еще чем-то терпким. Наверное, мы высоко над уровнем моря?

– Похоже на то. Это напоминает горный воздух.

– Как насчет кофе?

Они взяли в буфете две дымящиеся чашки и понесли их на платформу.

– Хейли! Хейли!

В одном из спальных купе открылось окно, и в нем появилась женская голова.

– Каролин! – Хэмблдон быстро подошел к окну. – Вы не спите? Уже половина третьего.

Тусклый свет, падавший от уличного фонаря на женщину, подчеркивал темные пятна под ее скулами и глубокие впадины глазниц. Высокий мужчина никогда не мог понять, нравится ли ему лицо Каролин Дэйкрес. Какое оно – красивое? Или увядшее? И действительно ли она так умна, как обещает ее внешность?

Вглядываясь в ее черты, он заметил, что актриса чем-то взволнована. Она заговорила быстро и вполголоса. Хэмблдон бросил на нее удивленный взгляд и что-то ответил. Оба оглянулись на высокого мужчину. Женщина, похоже, колебалась.

– Осторожно, поезд сейчас тронется.

Прозвенел звонок. Высокий мужчина поднялся на площадку своего вагона, где Кортни Бродхед все еще стоял у перил, съежившись в своем пальто. По составу пробежал металлический лязг отправляющегося поезда. Хэмблдон, не выпуская из рук горячую чашку, поспешил войти в тамбур. Станция стала медленно уплывать в ночную тьму. Кортни Бродхед, покосившись на высокого мужчину, что-то пробурчал себе под нос и вернулся в вагон. Высокий мужчина остался снаружи. Корпус соседнего вагона покачивался и ходил из стороны в сторону, железный стык между площадками дергался взад и вперед. Вскоре из спального вагона появился Хэмблдон и, хватаясь за железные перила, перебрался на его сторону. Когда они оказались рядом, он прокричал:

– ...очень напуган... никогда не видел... просит вас...

– Я вас не слышу.

– Мистер Мейер... нет, так не выйдет. Идемте со мной.

Они перешли по узкому мостику и оказались в тамбуре спального вагона.

– Речь идет о Мейере, – сказал Хэмблдон. – Он уверен, что кто-то пытался его убить.

Глава 2

Мистер Мейер в опасности

Высокий мужчина продолжал молча смотреть на Хэмблдона, и тот решил, что он не расслышал его потрясающую фразу.

– Кто-то пытался убить Альфреда Мейера, – прокричал он громче.

– Я понял, – ответил высокий мужчина.

Вид у него был недовольный и слегка встревоженный.

– Каролин просит вас пройти в ее купе.

– Надеюсь, вы ей не сказали...

– Нет, нет. Но я прошу вас разрешить мне...

Внутренняя дверь вагона резко распахнулась, хлопнув по спине Хэмблдона. В проеме появилось бледное лицо мистера Альфреда Мейера.

– Хейли, заходите. Что вы тут... а!

Он уставился на высокого мужчину.

– Мы уже идем, – отозвался Хэмблдон.

Они протиснулись в узкий коридор, соединявший два спальных купе. Мейер миновал первую дверь и пригласил их во вторую. «Люкс» оказался небольшим купе с двумя узкими кроватями и умывальником. Каролин Дэйкрес, облаченная в роскошный халат, сидела на нижней полке. Она слегка подалась вперед, обхватив руками колени. Ее пышные рыжевато-каштановые волосы были рассыпаны по плечам.

– Привет, – поздоровалась она, взглянув на высокого мужчину. – Хейли считает, что вы должны об этом знать.

– Поверьте, у меня нет никакого желания вмешиваться в ваши дела. Я буду только рад, если вы обсудите все между собой.

– Нет, постойте, – вмешался Хэмблдон. – Позвольте, я объясню... в смысле – насчет вас?

– Хорошо, – вежливо согласился высокий мужчина.

– Мы все знаем его как «мистера Р. Аллена», – начал Хэмблдон. – Так он значится в списке пассажиров. Но буквально сегодня ночью я узнал, что это не кто иной, как Родерик Аллейн, старший инспектор Скотленд-Ярда... здесь должны быть фанфары и торжественный салют.

– Бог ты мой, – жалобно протянул мистер Мейер. Это была его обычная присказка.

– Но позвольте, – начала Каролин Дэйкрес, – почему же вы тогда... ах да, конечно. «Неотразимый инспектор». Помнишь, Пух? Дело Гарднера? Наши фотографии тогда оказались на одной странице «Татлера», мистер Аллейн.

– И это был единственный раз, – заметил инспектор Аллейн, – когда я получил такую прекрасную компенсацию за свою публичность.

– Компенсацию? – воскликнул мистер Мейер. – Бог ты мой! Но раз уж вы такой эксперт, может, выслушаете мою историю. Садитесь, пожалуйста. Кэрл, подвинься.

Аллейн сел на дорожный сундук, Хэмблдон пристроился на полу, а Мейер плюхнулся на полку рядом со своей женой. Его круглое лицо было бледно, пухлые руки слегка дрожали.

– Мне не по себе, – пробормотал он.

– Давайте я объясню, – предложила мисс Дэйкрес. – Видите ли, дорогой Хейли, и вы тоже, мистер Аллейн, мой Альфи-Пух часто засиживается допоздна. У него обширная корреспонденция, и он взял с собой пишущую машинку. Так вот, незадолго до того, как мы прибыли на последнюю станцию, он решил освежиться и вышел на открытую площадку в конце вагона. Верно, милый?

Мистер Мейер мрачно кивнул.

– В это время мы ехали вверх или вниз по такой штуке, которую на железной дороге называют штопором. Нам это объяснил проводник, очень милый молодой

человек, и к тому же весьма информированный. Так вот, когда поезд попадает в штопор...

– Серпантин, – поправил мистер Мейер.

– Да, милый. Когда поезд попадает в серпантин, происходит замечательная вещь. Состав как бы постоянно догоняет свой хвост. Иногда даже случается, что последний вагон оказывается впереди локомотива.

– Однако, Каролин! – запротестовал Хэмблдон.

– Ну, или что-то в этом роде. Для нашего рассказа это не имеет большого значения. Главное, что нужно помнить: проезжая по спирали, поезд все время поворачивает, нарезая круги.

– То есть?

– Каролин, не превращай все в комедию, – взмолился мистер Мейер. – Это серьезное дело.

– Конечно, милый, кто же спорит? Так вот, мистер Аллейн, Альфи вышел на площадку, а поезд все время поворачивал, очень быстро, и выглядело это впечатляюще. Альфи был взволнован и увлечен происходящим, хотя в темноте почти ничего не видел, только часть вагонов впереди и сзади. Потом он услышал, как хлопнула дверь, но не обернулся, подумав, что кто-то просто идет по составу. Он крепко держался обеими руками за перила. Что было очень кстати. Потому что когда этот человек его толкнул, он мог...

– Постой, – решительно вмешался мистер Мейер, – я сам расскажу. Я стоял на площадке спиной к проходу. Дверь на лестницу была открыта, а за ней зияла тьма. Все время дул жуткий ветер. Я слышал, как за спиной иногда проходили люди, перебираясь в другой вагон, но не оборачивался. Потом начался очередной крутой поворот, поезд поддал ходу, и тут кто-то пнул меня в спину. Со всей силы. Клянусь богом, я чуть не вылетел с площадки. Буквально повис на волоске. Ступеньки оказались у меня перед носом. Левой рукой я попытался ухватиться за дверь, но она распахнулась настежь, словно я хотел выйти и захлопнуть ее за собой. Понимаете, о чем я? Правой я успел вцепиться в перила, точнее, поймал их на лету уже у самой стойки, там, где начинаются ступеньки.

Мне казалось, что время остановилось. Потом вагон качнуло в другую сторону, и я отлетел назад. Понятное дело, когда я пришел в себя и оглянулся, сзади уже никого не было. Господи, я с ума сойду! Хейли, поищите в той сумке. Там должно быть бренди.

Мейер выпучил свои бледные глаза на Аллейна:

– Что вы об этом думаете?

– Неприятная история, – ответил Аллейн.

– Неприятная? Нет, вы послушайте, что он говорит!

– Бедный Альфи, – вставила его жена. – К счастью, у нас полно бренди. Налейте ему, Хейли. Вот стаканы. Давайте выпьем, а мистер Аллейн расскажет нам, кто хотел убить бедного Пуха. Осторожно, Хейли, не пролейте. Отлично. Итак, мистер Аллейн?

Она ободряюще взглянула на инспектора. «Ее правда это забавляет? – подумал Аллейн. – Она не похожа на тех двуличных женщин, которые прикидываются дуручками, а сами хитры как черти. Или похожа? Нет, она просто разыгрывает для нас маленький спектакль с собой в главной роли. Наверное, так привыкла к этому занятию, что уже не может остановиться».

– Я одного не понимаю – что мне теперь делать? – простонал Мейер.

– Остановить поезд и сказать проводнику? – предложила Каролин, глотнув бренди. – Тянешь за сигнальную веревку, платишь пять фунтов, а потом появляется какая-нибудь женщина и говорит, что вы пытались...

– Каролин, помолчите, – с улыбкой попросил Хэмблдон. – Так что вы об этом думаете, Аллейн?

– Вы уверены, что вас толкнули нарочно? – спросил инспектор. – Может быть, кого-то просто занесло на повороте, и он потерял равновесие, а потом и голову, решив, что отправил вас за борт?

– Говорю вам, меня пнули со всей силы. Спорю на что угодно – у меня там здоровенный синяк.

– Милый! Мы можем устроить тебя в цирк и показывать за деньги.

– Что мне теперь делать, Аллейн?

– Дорогой мистер Мейер, я... не знаю. Наверное, надо сообщить проводнику и известить полицию на следующей станции. В соседнем вагоне едет компания пьяных футболистов. Возможно...

– Ну конечно! – с энтузиазмом подхватила Каролин. – Блестящая мысль, мистер Аллейн. Это был пьяный футболист. Все сходится, не правда ли? Он спортсмен, знает, как бить ногами. Вспомните «Олл Блэкс»[Новозеландская команда регби. – Здесь и далее: примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.].

Мейер мрачно выслушал ее слова. Хэмблдон вдруг разразился смехом. Аллейн поспешно закурил.

– Хорошо тебе смеяться, – пробурчал Мейер. Он осторожно потер поясницу, глядя на Аллейна. – Насчет полиции я сомневаюсь, – добавил он. – Будет пресса и тому подобное, а нам не нужна такая реклама. Как вам кажется, Хейли? «Покушение на известного театрального менеджера». Звучит неважно. Другое дело, если бы это была Каролин.

– Да, пожалуй, – с запинкой ответил Хэмблдон.

– Наверняка, – ввернула Каролин.

– Мистер Мейер, – произнес Аллейн, – у вас есть враги в вашей компании?

– Господи, конечно, нет. Мы все – одна дружная семья. Я хорошо обращаюсь с сотрудниками, и они меня уважают. У нас не бывает ссор.

– Вы сказали, что пока вы стояли на площадке, мимо вас прошло несколько человек, – продолжал инспектор. – Вы не заметили, кто это был?

– Нет. Я стоял спиной к проходу.

– Скажите, вы не помните, – спросил Аллейн после небольшой паузы, – не было ли кого-нибудь на соседней площадке, по другую сторону переходного мостика – той, что относится к нашему вагону?

– Вряд ли. По крайней мере, когда я вышел, там никого не было. Может быть, он появился позже. Понимаете, там было темно, а еще этот шум и ветер. Я надвинул шляпу почти до глаз и замотался в шарф. К тому же я стоял у перил, почти спиной к площадке.

– Это было перед тем, как мы подъехали к последней станции, как ее там – Охакун?

– Да, минут за тридцать.

– Который был час, – обратился Аллейн к Хэмблдону, – когда я проснулся и мы начали беседовать? Я тогда посмотрел на время, помните?

– Десять минут третьего. А что?

– Ничего. В Охакун мы прибыли в два сорок пять.

Хэмблдон бросил на него быстрый взгляд. Каролин широко зевнула и устало прикрыла глаза.

– Уверен, вам хочется спать. Хэмблдон, идемте.

Он встал и уже собирался пожелать спокойной ночи, когда в дверь кто-то постучал.

– Ну вот, пожалуйста, – развела руками Каролин. – Что на этот раз? Они хотят проделать еще одну дырку в моем билете? Войдите!

В купе влетела Валери Гэйнс. На ней были блестящая пижама и легкий пеньюар – живая реклама нижнего белья из модного журнала. Она бросилась к Каролин, возбужденно размахивая руками.

– Я услышала ваши голоса и побежала к вам. Ради бога, простите меня, мисс Дэйкрес, но случилось нечто ужасное.

– Да, я знаю, – живо отозвалась Каролин. – Вам дал пинка пьяный футболист.

Мисс Гэйнс воззрилась на нее в недоумении:

– С чего вы... нет. Я даже не знаю, как сказать. Меня... обокрали!

– Обокрали? Пух, дорогой мой, до чего удивительный поезд. Ты слышал, что она сказала?

– Ужасно, правда? Только я легла спать...

– Валери, – перебила мисс Дэйкрес, – вы ведь знакомы с мистером Аллейном? Представьте себе, он знаменитый детектив, и ему ничего не стоит найти ваши бриллианты, как только он разберется с убийцей Пуха. Право, как удачно, что вы приехали в Новую Зеландию, мистер Аллейн.

– Рад, что вы так думаете, – сдержанно ответил Аллейн. – Но я буду очень благодарен, – добавил он, – если вы оставите мое ремесло в тайне. Путешествие часто превращается в пытку, как только вашим спутникам становится известно, что вы из уголовного розыска.

– Разумеется. К тому же так вам будет легче найти бриллианты Валери, правда?

– Не бриллианты, а деньги, – возразила мисс Гэйнс. – Крупную сумму. Перед отъездом папа дал мне кое-какие ценные бумаги, чтобы я могла обменять их в Новой Зеландии. Часть из них я взяла на корабль и дала на хранение судовому казначею, а перед прибытием в порт забрала обратно, и... с ними было все в порядке... и я...

– Хотите бренди? – внезапно предложила Каролин.

– Спасибо. Папа меня убьет, если узнает. Самое скверное, что я не могу даже вспомнить, когда они пропали. Глупейшее положение. Забрав бумаги у казначея,

я положила их в кожаную папку и убрала в свой чемодан...

– Что было чертовски глупо, – мрачно вставил мистер Мейер.

– Наверное, но я ничего в этом не смыслю. Господи, какая же я дура! Короче, сегодня утром, открыв зачем-то чемодан, я пощупала эту папку: там захрустело, и я подумала – ну, все в порядке. Но буквально только что... мне не спалось в этом чертовом поезде, и я решила написать письмо... достала папку, а там – полно бумаги.

– Какой бумаги? – спросила Каролин с сонным видом.

– Такой, что я сразу подумала: не устроил ли мне кто-то дурацкий розыгрыш.

– Зачем? – спросил Аллейн.

– Что значит зачем? – нетерпеливо воскликнула мисс Гэйнс. – Вы в Скотленд-Ярде все такие добрые и наивные?

Хэмблдон что-то пробормотал на ухо Аллейну, и тот ответил: «Да, вижу».

– Бумага того же сорта, что была на корабле. Я сразу это заметила. Здорово, правда? Я имею в виду – то, что я это заметила. И что мне теперь делать, мистер Аллейн? Заявить в полицию? Господи, как скучно. Конечно, у меня есть кредитное письмо для поверенного в Миддлтоне, но кому нравится, когда его грабят?

– А вы заглядывали в эту папку после завтрака? – неожиданно спросил мистер Мейер.

– Э... вроде нет. Нет, точно не заглядывала. А что?

– Сколько там было?

– Не помню. Дайте подумать. Так, четыре... нет, пять фунтов на чаевые, пять я отдала Фрэнки, еще десять потратила в...

Она вдруг остановилась, и на ее лице появилось смущенное выражение.

– Короче, какая разница, – закончила она. – Фунтов девяносто. Они пропали. И бог с ними. Простите, что отняла у вас столько времени, мисс Дэйкрес.

Она шагнула к выходу, и Аллейн открыл ей дверь.

– Если вы позволите мне взглянуть на эту кожаную папку... – начал он.

– О, спасибо, но я думаю, что деньги все равно уже не вернуть.

– На вашем месте я бы показала ему папку, – рассеянно обронила Каролин. – Возможно, она приведет его прямо к футболисту-убийце.

– Какому футболисту-убийце?

– Расскажу утром, Валери. Спокойной ночи. Сочувствую вашей потере, но уверена, что мистер Аллейн найдет деньги, как только у него появится время. Ночь и так выдалась беспокойная. Давайте укладываться в наши тесные берлоги.

– Спокойной ночи, – ответила мисс Гэйнс и вышла.

Аллейн взглянул на Каролин Дэйкрес. Как только Валери Гэйнс исчезла за дверью, она закрыла глаза. Потом один из них приоткрылся. Это был большой, аккуратно подкрашенный глаз, и смотрел он прямо на Аллейна.

– Спокойной ночи, Кэрл, – попрощался Хэмблдон. – Спокойной ночи, Алф. Надеюсь, вы сможете заснуть. Ночь-то почти закончилась. Постарайтесь не думать о том, что произошло.

– Заснуть! – вскинулся мистер Мейер. – Не думать! Мы будем в Миддлтоне через час. Не стану даже и пытаться – у меня сна ни в одном глазу. А вы сами не стали бы думать, если бы кто-то попытался швырнуть вас в пропасть?

– Наверное, стал бы. Аллейн, вы идете?

– Да. Спокойной ночи, мисс Дэйкрес.

– Спокойной ночи, – ответила Каролин своим бархатным голосом.

– До свидания! – с горечью бросил мистер Мейер. – Простите, что побеспокоили.

Хэмблдон вышел в коридор. Инспектор уже взялся за ручку двери, когда Каролин его окликнула:

– Мистер Аллейн!

Он обернулся. Она сидела, по-прежнему уставив на него один глаз, словно какая-то сонная, красивая и умная птица.

– Почему Валери не хотела, чтобы вы взглянули на ее папку? – спросила Каролин.

– Не знаю, – ответил Аллейн. – А вы?

– Мне кажется, я догадываюсь.

Глава 3

За сценой

Труппа Дэйкрес прибыла в Миддлтон к завтраку. К десяти часам рабочие уже вовсю трудились на сцене Королевского театра. Для гастролирующего актера все театры на одно лицо. Они могут различаться размерами, удобством или температурой воздуха, но пока в гримерных горят газовые лампы, на полках лежат баночки с гримом, а в шкафах висят костюмы для спектакля, любой театр – это просто «театр», центр и смысл существования всей труппы. Как только актер устроился на месте и по возможности отдохнул с дороги, он тут же отправляется в театр, чтобы «сориентироваться на местности». Помощник режиссера уже бегают среди рабочих и клянет (или хвалит) закулисную

механику. На сцену выползают знакомые декорации, включаются осветительные приборы, под огнями рампы устанавливают столик для суфлера, а в темном зале загадочно молчит пустой партер.

Потом начинается монотонная читка текста. Механики выглядывают из-за софитов и в бесшумной обуви расхаживают вокруг сценической площадки. Театр наполняется жизнью, движением и человеческим теплом.

Королевский театр в Миддлтоне считался довольно крупным заведением. Он имел зрительский зал на тысячу мест, просторную сцену и старомодную, но эффективную систему осветительных приборов, колосников и подъемных блоков. Тед Гаскойн, привыкший работать в Уэст-Энде, морщился на допотопную аппаратуру. Он распорядился установить свой распределительный щит, и электрик с мрачным видом посвятил его в секреты местных работяг.

В десять утра Каролин и ее компания еще спали или завтракали в своих отелях. Каролин, Валери Гэйнс, Ливерсидж, Мэйсон и Хэмблдон остановились в «Миддлтоне», самом дорогом из скромных заведений. У остальных качество их жилья напрямую зависело от размеров гонорара: от «Торгового дворика» для Кортни Бродхеда до «миссис Хартботл, уютные номера» для Томми Биггса, младшего члена труппы.

Джордж Мэйсон, коммерческий директор, вообще не ложился спать. Он побрился, принял ванну, переоделся и ровно в десять сидел в офисе «Королевского театра», страдая хроническим расстройством желудка и беседуя со спонсором – представителем австралийской фирмы, под чьей эгидой были организованы гастроли.

– Мы ждем аншлага, мистер Мэйсон! – восклицал спонсор. – Весь партер продан, а в амфитеатре осталось только пятьдесят мест на левой стороне. За билетами на галерку выстроилась очередь. Я очень доволен!

– Прекрасно, – отвечал Мэйсон. – А теперь послушайте меня.

Разговор продолжался. Телефон звонил без умолку. Во время беседы в комнату заходили билетерши из театральной кассы, местный администратор, три застенчивых репортера и наконец мистер Альфред Мейер, притащивший с собой подушку. Он положил ее на вращающееся кресло, а потом осторожно опустился

сверху.

– Привет, Алф, – поздоровался Мэйсон.

– Доброе утро, Джордж, – ответил мистер Мейер.

Мэйсон представил коллеге австралийского спонсора, который железной хваткой вцепился в его руку и энергично ее потряс.

– Очень рад с вами познакомиться, мистер Мейер!

– Взаимно, взаимно, – кивнул мистер Мейер. – Надеюсь, у вас хорошие новости?

Репортеры держались на расстоянии, робко поглядывая в сторону его стола.

– Вот джентльмены из прессы, – представил их Мэйсон. – Они хотят с тобой немного поболтать, Алф.

Мистер Мейер закатил глаза и тут же изобразил профессиональную улыбку.

– Да, да, разумеется, – закивал он. – Прошу вас, подходите, господа.

Спонсор быстро расставил перед Мейером три стула и деликатно удалился вместе с Мэйсоном в другой конец комнаты.

Репортеры, прочистив горло, достали свои блокноты и карандаши.

– Итак, что вы хотите узнать? – любезно спросил мистер Мейер.

– Э, – промямлил старший из газетчиков, – просто дайте какую-нибудь информацию, которая может заинтересовать наших читателей, мистер Мейер.

Он говорил мягким сипловатым голосом с легким акцентом. На вид это был скромный и цветущий юноша.

– Разумеется, – кивнул мистер Мейер. – Я хочу сказать, что у вас замечательная страна...

Репортеры застрочили в блокнотах набросок статьи с примерным заголовком: «Восторженные впечатления гостя о Новой Зеландии».

В дверь вошли женщина и двое молодых людей. Это были австралийцы, принимавшие участие во втором спектакле и для этого присоединившиеся к труппе. Мэйсон отвел их на сцену, кивнул на Гаскойна, ругавшегося с главным механиком, и предоставил дальше действовать самостоятельно.

На сцене между тем возводили декорации. Прежнюю конструкцию – классические колонны и фасад дворца – мгновенно сложили и унесли на склад. Вместо нее, словно карточный домик, на подмостках стали складываться стены нарисованной гостиной. Тук-тук, – бодро стучали молотки, вбивая клинья в деревянные опоры.

– Нам не нужен этот навес, – буркнул Гаскойн.

– Убрать навес, Берт! – громко крикнул главный механик.

– Убрать навес, – повторил голос сверху.

Расписанные холсты, скрывавшие внутренности верхней галереи, один за другим исчезли из виду.

– Теперь потолок.

Где-то в городе пробили башенные часы – одиннадцать часов. Члены труппы начали собираться в театре и расходиться по гримерным. Общий сбор был назначен на половину двенадцатого. Гаскойн заметил чету австралийцев и направился к ним через всю сцену. Он стал рассказывать актерам об их ролях. У него был дружелюбный голос и приятные манеры. Австралийцы, наслышанные о британском высокомерии, понемногу начали оттаивать. Гаскойн сказал, что им надо переодеться. Время от времени он кричал в сторону:

– Фред, пора заканчивать: через десять минут нам понадобится сцена.

– Я еще не готов, мистер Гаскойн.

– Но ты должен быть готов! Что там стряслось?

Он вернулся на сцену. Сверху послышался звук пилы.

Гаскойн задрал голову:

– Ты что там делаешь?

Наверху ответили что-то неразборчивое.

– Фред, через десять минут чтобы духу твоего тут не было. Мне надо репетировать с людьми, которые четыре недели не были на сцене. Занавес поднимется сегодня вечером. Сегодня! Думаешь, мы можем работать на лесопилке? Что он там делает?

– Он устанавливает мачту, – ответил главный механик. – Без этого нельзя. В этом чертовом театре...

Он ушел, погромыхая инструментом. Действие второго акта происходило на борту яхты. Декорации были сложными. Требовалось установить нижнюю часть мачты с «достоверными» веревочными лестницами. Все это делалось из верхней рабочей галереи. Гаскойн и главный механик уставились на потолок.

– Мы поставили мачту, – объяснил механик, – но для этой сцены она оказалась слишком высокой. Пришлось ее отпиливать. Берт, ты установил противовес?

Словно в ответ на этот вопрос сверху на них рухнуло что-то огромное и тяжелое. С оглушительным треском предмет вонзился между ними в пол, сломал пару досок и поднял облако пыли. Они увидели длинную черную болванку, похожую на чугунную гирю.

Гаскойн и механик разразились руганью. Оба побледнели и слегка дрожали. Они во все горло орали на невидимого Берта, требуя, чтобы он спустился вниз, и

обещая немедленно его убить. Наконец их ругательства затихли, сменившись подавленным молчанием. Мэйсон выбежал из кабинета, актеры повыскакивали из своих уборных и столпились в коридоре. Несчастный Берт спустился с колосников и с ужасом смотрел на дело своих рук.

– Ей-богу, мистер Гаскойн, я не понимаю, как так получилось. Ей-богу, мистер Гаскойн, простите меня. Ей-богу...

– Заткни свой поганый рот, – выругался главный механик. – Хочешь, чтобы тебя посадили за убийство?

– Ты что, никогда не слышал о правилах безопасности на колосниках? Или не знаешь, что...

Мэйсон вернулся в кабинет. Актеры стали расходиться по гримерным.

– А каково ваше мнение, – спросил старший из репортеров, – о наших железных дорогах, мистер Мейер? Можете сравнить их с дорогами в Британии?

Мистер Мейер неуютно поерзал на подушке и потрогал спину.

– Они великолепны, – ответил он.

Хейли Хэмблдон постучал в дверь Каролин:

– Вы готовы, Кэрл? Уже четверть двенадцатого.

– Иду, дорогой.

Он заглянул в спальню, которую она делила с Мейером. Комната выглядела точно так же, как все номера, в которых они жили во время гастролей. Гардероб в углу, яркое покрывало на кровати, несколько снимков, сделанных Каролин: она, Мейер и ее отец, приходской священник в Бэкингемшире. Сама актриса, облаченная во что-то пурпурное, сидела за туалетным столиком. Накладывая

последние мазки на свое красивое лицо, она кивнула ему в зеркале.

– Доброе утро, миссис Мейер, – поздоровался Хэмблдон и поцеловал ее пальцы с тем же легким жестом, который часто использовал на сцене.

– Доброе утро, мистер Хэмблдон.

Оба разговаривали неестественно веселым ироничным тоном, к которому актеры часто прибегают в повседневной жизни.

Каролин снова повернулась к зеркалу:

– Я ужасно выгляжу, Хейли. Старею с каждым днем.

– Я так не думаю.

– Неужели? А мне кажется, думаете. Наверняка говорите себе: скоро она станет слишком стара, чтобы играть того-то и того-то.

– Ничего подобного. Я люблю вас. Для меня вы не меняетесь.

– Как мило! Спасибо! И все-таки мы стареем.

– Господи, тогда почему вы не хотите воспользоваться хотя бы тем, что нам осталось? Кэрол, разве вы не любите меня?

– Ну вот, еще одна атака. Хватит.

Каролин встала, надела красную шляпу и взглянула на него из-под полей с комическим упреком.

– Идемте, – сказала она.

Он пожал плечами и открыл ей дверь. Они вышли и не спеша отправились по коридору – красивая пара с легкими изящными движениями, отточенными многолетней практикой. В каждое свое действие, даже самое рутинное, артисты

вкладывают тот бессознательный профессионализм, который многим кажется неправдоподобным. Возможно, в случае с молодыми актерами это и правда удивительно, но у людей более зрелых – просто привычка. Артисты действительно «всегда играют», хотя и не в том смысле, который подразумевают их критики.

Каролин и Хэмблдон спустились в лифте и вышли через вестибюль на улицу. Здесь они столкнулись с инспектором Аллейном, который тоже остановился в «Миддлтоне».

– Здравствуйте! – воскликнула Каролин. – Вы успели куда-то сходить? Ранняя пташка.

– Я ездил на трамвае вон на те холмы. Оказалось, город внезапно обрывается буквально в милях четырех отсюда, а дальше – зеленая травка, редкие кустики и замечательные виды.

– Звучит мило, – без особого восторга отозвалась Каролин.

– Не просто мило, – возразил Аллейн. – Это действительно волнует. Как себя чувствует ваш супруг?

– Все еще расстроен, бедняга. И синяк во всю спину, как и говорил. Похоже, это действительно был футболист. Вы придете на сегодняшний спектакль?

– Я бы с удовольствием, но у меня нет билета.

– Что за глупости. Альфи-Пух все устроит. Хейли, дорогой, напомните, чтобы я с ним поговорила.

– Нам пора, – вставил Хэмблдон. – Надо торопиться, Кэрл.

– Работа, вечно работа. – В голосе Каролин неожиданно слышались трагические нотки. – До свидания, мистер Аллейн. Заходите ко мне в примерную после спектакля.

– И в мою, – добавил Хэмблдон. – Хочу послушать, что вы скажете о представлении. До свидания.

– Большое спасибо. Всего доброго, – попрощался Аллейн.

– Приятный человек, – заметила Каролин, когда они отошли подальше.

– Не спорю. Кэрол, вы должны меня выслушать. Умоляю вас. Сколько уже лет я преданно вас люблю – пять?

– Немного больше, милый. Пожалуй, шесть. Все началось, когда мы играли «Работягу» в «Критерионе». Вы помните...

– Отлично помню. Да, шесть лет. Вы говорили, что любите меня, что я вам не безразличен...

– Нам обязательно выяснять отношения сейчас? – перебила Каролин. – Пух говорил, что театр в конце этой улицы. Эй, осторожней!

Она вскрикнула. Хэмблдон подхватил ее под локоть и поспешил увести с оживленного перекрестка.

– Как только придем, я зайду к вам в гримерку, – пообещал Хэмблдон, – и мы закончим разговор.

– Все лучше, чем посреди улицы, – согласилась Каролин. – Как говорит мой бедный Пух, публичность бывает плохая и хорошая.

– Ради бога, – процедил Хэмблдон сквозь зубы, – перестаньте говорить мне о своем муже.

Они еще не успели дойти до театра, когда в отель «Миддлтон» заглянул Кортни Бродхед и спросил мистера Гордона Палмера. Его направили в номер мистера Палмера, где он нашел своего приятеля лежащим в кровати и имевшим довольно бледный вид. Джеффри Уэстон, его кузен и ментор, устроился в кресле у окна, а мистер Френсис Ливерсидж растянулся поперек кровати и курил сигарету. Судя по всему, он тоже решил проведать Гордона и убедиться, что у

него все в порядке.

«Детеныш», как Хэмблдон прозвал Гордона Палмера, был семнадцатилетним юнцом, очень изощренным в некоторых вопросах, но абсолютно ограниченным во всем остальном. Он не обладал ни той обаятельной неловкостью, которая свойственна юности, ни ее живостью: место энергии заменяла в нем вертлявость, а честолюбия – ненасытность. Внешне он выглядел довольно привлекательно, хотя в нем чувствовалось что-то подпорченное и пошловатое. То обстоятельство, что он крепко привязался к комедийной труппе Каролин Дэйкрес, и в еще большей степени к самой Каролин Дэйкрес, было вполне в его характере. Гордона совершенно не смущало, что Каролин не обращала на него ни малейшего внимания. Зато Ливерсидж и Валери были от юноши в восторге.

– Курт, привет, дружище, – поздоровался Гордон. – Ты со мной сейчас помягче, ладно? А то развалюсь на мелкие кусочки. Вчера в поезде пришлось общаться черт знает с кем. Господи, ну и ночь! Мы играли в покер до... до какого времени, Джеффри?

– До чертовски позднего, – холодно ответил Уэстон. – Ты глупец.

– Он думает, что должен говорить со мной в таком тоне, – объяснил Гордон. – И у него неплохо получается. Какие новости, Курт?

– Я пришел отдать карточный долг, – ответил Кортни.

Он достал свой бумажник и вынул из него несколько банкнот.

– Твои деньги тоже здесь, – добавил Бродхед, невесело рассмеявшись. – Возьми, пока можешь.

– А, ну и отлично, – беспечно отозвался Гордон. – Я уж и забыл.

Ливерсидж просунул голову в дверь офиса. Он должен был появиться только во втором акте и теперь болтался без дела, пока Гаскойн прорабатывал сцену с Валери Гэйнс, Акройдом и Хэмблдоном. Мистер Мейер в одиночестве сидел за своим столом.

– Доброе утро, сэр, – поздоровался Ливерсидж.

– Доброе утро, мистер Ливерсидж, – ответил Мейер, развернувшись в кресле и удивленно уставившись на первого инженеру. – Хотите со мной поговорить?

– Я слышал про то, что с вами приключилось в поезде, зашел узнать, как вы себя чувствуете. Ужасная история. Просто нет слов.

– Да уж, – сухо отозвался Мейер. – Большое спасибо.

Ливерсидж небрежно переступил порог комнаты.

– А бедняжка Вэл! Она потеряла все свои деньги. Что за несчастная ночь!

– Пожалуй, – буркнул мистер Мейер.

– Отличный отель этот «Миддлтон», не правда ли, сэр?

– Да уж, – повторил мистер Мейер.

Повисла неловкая пауза.

– Вижу, вы при деньгах, – добавил вдруг мистер Мейер.

Ливерсидж звонко рассмеялся:

– О, я кое-что скопил. В последний раз мы неплохо заработали, правда? И сегодня утром привалило счастье. – Он искоса взглянул на Мейера. – Кортни заплатил карточный долг. Вот уж не ожидал. Вчера он чуть волосы на себе не рвал.

– Закройте дверь, – бросил мистер Мейер. – Мне надо с вами поговорить.

Каролин и Хэмблдон стояли в гримерной в свете неяркой лампы. Большая часть вещей была уже разобрана, баночки с театральным гримом лежали на своих

местах. Комната казалась мрачной и серой, как погреб, а в воздухе сильно пахло косметикой. Хэмблдон включил верхний свет, и сразу стало уютней и теплей.

– Выслушайте меня, – попросил он.

Каролин села на один из сундуков с вещами и взглянула на него. Он перевел дух.

– Вы любите меня больше, чем кого-либо другого. Альфред не в счет. Зачем вы вышли за него замуж, наверное, не знает и сам господь бог, а вы и подавно. Я не предлагаю вам стать тайными любовниками, тем более что об этом сразу все узнают. Такое положение неприемлемо для нас обоих. Я прошу вас уехать со мной после гастролей и развестись с Альфредом. Или просто расскажите ему о наших отношениях, и пусть он сам все устроит так, как ему удобно.

– Милый, мы уже сто раз это обсуждали.

– Знаю, но я дошел до точки. Я не могу видеть вас каждый день, работать вместе и чувствовать, что вы обращаетесь со мной как... как с чем-то средним между школьником и ручным щенком. Мне сорок девять, Кэрол, и... я схожу с ума. Почему бы не сделать это ради нас обоих?

– Потому что я католичка.

– Вы плохая католичка. Иногда мне кажется, что вам совершенно плевать на религию. Когда вы в последний раз ходили в церковь, чтобы исповедаться и тому подобное? Сто лет назад. Так зачем за это держаться?

– Меня держит церковь. Где-то там, внутри. Я чувствую, что погрязла в грехе, милый, правда чувствую.

– Ну да, конечно. Грешите напропалую.

– Хейли!

Она рассмеялась – тем мягким грудным смехом, который, словно золотая нить, пронизывал сыгранные ею роли.

– Перестаньте! – воскликнул Хэмблдон. – Хватит!

– Простите, Хэйли. Я просто свинья. Милый мой, я вас обожаю, но не могу, просто не могу жить с вами во грехе. Жить во грехе. Жить во грехе-е, – повторила она нараспев.

– Вы безнадежны, – пробормотал Хэмблдон. – Безнадежны!

– Мисс Дэйкрес? – слышался голос в коридоре.

– Да, я здесь!

– Мистер Гаскойн просил передать, что скоро ваш выход.

– Хорошо, сейчас приду, – ответила Каролин. – Спасибо.

Она встала с места.

– Вам тоже пора, – сказала она Хэмблдону.

– Наверное, – произнес Хэмблдон с горечью, в которой помимо его воли звучало что-то комичное, – наверное, мне придется ждать, пока Алф не умрет от ожирения сердца. Тогда вы выйдете за меня замуж, Кэрол?

– Как тут принято выражаться? Без проблем? Без проблем, мой милый. Но бедняжка Пух! Ожирение сердца! Право, это жестоко.

Она выскользнула в дверь.

Через минуту он услышал ее чистый и глубокий голос, произносивший первую реплику на сцене:

– «Дорогой, ты не согласишься? Он предложил мне выйти за него замуж!»

А потом раздался ее мягкий, теплый смех.

Глава 4

Первое появление тики

Занавес подняли в четвертый раз. Каролин Дэйкрес, стоя в центре всей труппы, раскланивалась перед партером, амфитеатром и – с особенной тонкой улыбкой – зрителями галерки. Две тысячи ладоней хлопали в такт, издавая громкий и ритмичный звук, словно кто-то методично колотил по железной крыше. Новозеландские зрители мало расположены к буйному веселью. Если им что-то нравится, они сидят молча и с остервенением бьют в ладоши. Именно это они и проделывали теперь, после третьего или четвертого представления «Дам для досуга». Каролин кланялась снова и снова, словно зачарованная этим бурным проявлением восторга. Она с улыбкой повернулась к Хейли Хэмблдону. Тот отделился от других артистов и подошел ближе к рампе. На его лице застыло торжественное и приподнятое выражение, с которым у исполнителей главной роли принято обращаться к публике. Аплодировавшие зрители удвоили свои усилия. Хэмблдон улыбнулся, прося тишины. Аплодисменты стихли.

– Леди и джентльмены, – начал он задушевым тоном, – мисс Дэйкрес попросила меня сказать несколько слов, чтобы выразить, – он посмотрел на галерку, – нашу огромную благодарность за тот чудесный прием, который вы оказали первому выступлению в рамках наших коротких, – он посмотрел на партер, – увы, слишком коротких гастролей в вашем прекрасном городе.

Хэмблдон сделал паузу. Послышалось несколько нетерпеливых хлопков.

– Это наш первый визит в Новую Зеландию, а Миддлтон – первый город, в котором мы дали представление. К сожалению, наши выступления в вашей замечательной стране продлятся недолго. Вскоре мы отправимся в...

Он замолчал и смущенно обернулся к своим коллегам, прося помощи. «В Веллингтон», – подсказала Каролин Дэйкрес.

– В Веллингтон, – повторил Хэмблдон с извиняющейся улыбкой.

Публика ответила громким смехом.

– В Веллингтон, и это будет в пятницу. Завтра, в среду и четверг мы покажем «Джекпот», комедию, которую мы имели честь играть в лондонском театре «Критерион». В ней будет участвовать почти весь оригинальный состав исполнителей плюс двое известных актеров из Австралии, присоединившихся к нам специально для этого спектакля. Кстати, хочу сообщить, что в нашу труппу входит уроженка Новой Зеландии, которая вернулась в родную страну после успешной карьеры на лондонской сцене – мисс Сьюзен Макс.

Он обернулся к Сьюзен, которая ответила ему удивленным и благодарным взглядом. Публика бешено зааплодировала. Сияющая Сьюзен поклонилась сначала залу, а потом, с очаровательной ужимкой, – Хэмблдону.

– Мисс Дэйкрес, вся наша труппа и я сам глубоко тронуты той удивительной теплотой, которую мы встретили в вашем городе. Возможно, я открою маленький секрет, но как раз сегодня у мисс Дэйкрес день рождения. – Он широко развел руками. – Это ее первый визит в Миддлтон, и что еще я могу ей пожелать, как не вернуться сюда снова! Большое вам спасибо.

Буря аплодисментов и реверансы от Каролин. Хэмблдон взглянул на будку механика, и занавес быстро опустился.

– Будь я проклят, если когда-нибудь сюда вернусь, – пробурчал Акرويد.

Стоявшая рядом Сьюзен Макс возмущенно фыркнула.

– Ну да, вы ведь любимец захолуствий, мистер Акرويد, – съязвила она.

Брэндон Вернон довольно хохотнул. Акرويد комично выгнул одну бровь и несколько раз кивнул.

– Хо-хо. Хо-хо! – передразнил он. – Ах, как трогательно, ах, моя милая родина!

Сьюзен молча развернулась и грузно направилась в свою гримерную. В коридоре она встретила Хейли Хэмблдона.

– Спасибо, дорогой мой, – сказала она. – Это было неожиданно, но очень мило.

– Все в порядке, Сьюзи, – кивнул Хэмблдон. – Пора навести красоту для вечеринки.

Вся труппа собиралась отпраздновать день рождения Каролин. Прямо на сцене собрали большой стол и накрыли его белой скатертью. Центр стола ломился от цветов. Бокалы, тарелки и всевозможную еду расставили с почти голливудским размахом, который сдерживали только скромные возможности отеля и его банкетного сервиса. Мистер Мейер потратил на этот вечер много времени и сил. Праздничный ужин, заявил он, должен соответствовать статусу его жены как самой выдающейся комедийной актрисы Англии, а также удовлетворять интересы прессы и запросы публики. Предполагалось, что *pièce de resistance* [Гвоздь программы (фр.).] станет сюрпризом для Каролин и гостей, но Мейер не утерпел и посвятил в свою идею всех членов труппы. Он привез из Англии жеробоам – гигантскую бутыл шампанского известной марки. Тед Гаскойн и его подручные трудились над ней весь день, следуя руководящим указаниями мистера Мейера и энергичным советам Джорджа Мэйсона. Исполинскую бутылку подвесили к колосникам, соединив через блок с противовесом. От противовеса к сцене протянулся алый шелковый шнур, закрепленный скобкой у стола. В кульминационный момент праздника Каролин предстояло перерезать шнур. Противовес после этого должен был подняться вверх, а бутылка плавно опуститься вниз, прямо в гнездо из декоративной зелени и экзотических цветов, которое мистер Мейер лично установил посреди стола. Он заставил рабочих двадцать раз прорепетировать эту процедуру и все равно не находил себе места от волнения, стараясь довести процесс до совершенства. Перед началом праздника он все еще метался по сцене и с тревогой смотрел на потолок, где в колосниках висела невидимая жеробоам, дожидаясь своего триумфального появления. Приглушенные лампы разливали мягкий свет. Тяжелый занавес в роли четвертой стены, глубокий ковер и плотные портьеры делали обстановку приятной и уютной.

У служебного входа тем временем собралась кучка гостей. Первым прибыл владелец пригородных автозаправочных станций по фамилии Форрест – грузный краснолицый мужчина с располагающей внешностью. С ним были его жена – полная женщина с грубоватым лицом, хорошо одетая, но не слишком умная, их дочь, наоборот, на редкость смышленная, и малолетний сын, уменьшенная копия отца. Все четверо приехали на ужин по просьбе Каролин, которая, однако, уже давно забыла о своем приглашении и не потрудились предупредить кого-либо об

их приходе. Встретивший гостей Гаскойн сначала встал в тупик, но потом вспомнил характер Каролин и догадался, что произошло. Следом за ними появились Гордон Палмер, хорошо знакомый с закулисной жизнью, и его кузен, Джеффри Уэстон.

– Привет, Джордж, – сказал Гордон. – Отличный спектакль. Классное шоу. Каролин была великолепна. Я должен ее увидеть. Где она?

– Мисс Дэйкрес переодевается, – ответил Гаскойн, повидавший тысячи таких, как Палмер.

– Но я не могу ждать ни минуты, – повысил голос Гордон.

– Боюсь, что придется, – возразил Гаскойн. – Позвольте представить: мистер Гордон Палмер, мистер Уэстон, миссис... э...

– Форрест, – весело вставила полная дама.

Как и большинство обитательниц колоний, она свято верила, что все английские юноши чрезвычайно милы в общении, и поэтому авансом прониклась к Палмеру расположением. Ее муж и сын были настроены менее дружелюбно, а дочь держалась и вовсе настороженно.

Прибывали новые гости, и среди них – высокий смуглый мужчина с очень красивым голосом, доктор Ранги Те Покиха, врач-маори, проживавший в «Миддлтоне».

Аллейн появился одновременно с Мэйсоном и Альфредом Мейером. Глава труппы поздоровался со старшим инспектором и вручил ему приглашение, продолжая озабоченно смотреть на банкетный стол. Оказавшись рядом, они составляли забавный контраст. Знаменитый мистер Мейер, пухлый и бледный коротышка, выглядел как типичный антрепренер и источал театральность каждой пуговицей своего белоснежного жилета. Не менее знаменитый детектив, шестью дюймами выше, имел аристократическую внешность и смахивал на дипломата. «Какая фактура! – заметил как-то Мейер жене. – Он мог бы преуспеть в нашем ремесле».

Члены труппы один за другим выходили из своих гримерных. Большинство актеров в обществе ведут себя совсем иначе, чем в своей среде. Они всеми силами стараются показать, что ничем не отличаются от других. Это что-то вроде невинной формы фанаберии. Нужно увидеть их после того, как уйдет последний гость, чтобы понять, до какой степени маска может отличаться от лица.

В этот вечер все старались вести себя солидно и серьезно. Альфред Мейер с чинным видом представлял гостей. Он познакомил между собой всех новозеландцев, в том числе хозяина заправок и владельца «Миддлтона», хотя они наверняка прекрасно знали друг друга.

Каролин появилась последней.

– Где моя жена? – громко вопрошал Мейер. – Уже без десяти. Скоро ее сцена.

– Где Каролин? – эхом отзывался Гордон Палмер.

– Где мадам? – весело подхватывал Джордж Мэйсон.

Вся толпа во главе с Мейером отправилась на поиски. Аллейн, присоединившийся к Хэмблдону и Мэйсону, спрашивал себя, чем вызвана эта задержка – инстинктивным чутьем актрисы или намеренным расчетом. До сих пор ему только раз приходилось сталкиваться с театральной звездой – по делам службы, – и она едва не разбила ему сердце. Не может ли и сейчас случиться что-нибудь подобное?

Наконец в глубине коридора послышался нараставший шум. Звонкий смех Каролин – «золотистый», как называли его критики, – ее длинное «О-о-о!», похожее на свисток музыкального паровозика, и сама Каролин, шествовавшая на сцену в сопровождении трех мужчин. Комик Акройд настежь распахнул двойную дверь, служившую частью декорации, и торжественно объявил:

– «Войдите, мадам»! [Название пьесы Долли Берн и Джильды Варези, поставленной на Бродвее в 1920 г. и экранизированной Голливудом в 1922 и 1935 гг.]

Каролин на ходу отвешивала гостям глубокие поклоны и порхала по сцене, словно бабочка. Она действительно устроила «вход», но проделала это так бесшабашно, так искренне и с таким лукавым блеском в глазах, что Аллейн забыл о всякой критике и с головой окунулся в теплое облако ее обаяния. Когда ее взгляд остановился наконец на нем – а он с нетерпением ждал этого момента, – Каролин устремилась к нему, раскинув руки и сияя, как солнце. Аллейну пришлось волей-неволей соответствовать моменту: он поклонился, согнув пополам свое длинное туловище, и по очереди поцеловал обе ее руки. Семейка Форрест за его спиной захихикала, а мисс Форрест насторожилась еще больше.

– А-а-а! – мелодично протянула Каролин. – Наш прославленный друг. Наш знаменитый...

– Нет, нет! – поспешно воскликнул Аллейн.

– Почему? Все должны знать, кого я заполучила на свою вечернику.

Она говорила громко и отчетливо, словно на сцене. Гости замолкли, прислушиваясь к ее словам. В отчаянии Аллейн торопливо достал из кармана маленький пакет и, снова поклонившись, вручил его актрисе. «Наверное, я выгляжу полным идиотом», – подумал он.

– Примите мои поздравления, – произнес он. – Надеюсь, вы позволите...

Каролин, уже получившая бесчисленное количество дорогих подарков, немедленно пришла в восторг и заговорила тоном уличной нищенки, которой подали пятифунтовую банкноту.

– Это мне?! – воскликнула она в полном изумлении. – Это мне! Мне! Мне!

Она устремила на Аллейна и других гостей сияющий взгляд.

– Вам всем придется подождать! Мы должны его открыть. Скорее, скорее!

Каролин заерзала от нетерпения и стала издавать какие-то воркующие звуки, разрывая бумажную обертку.

«Господи, – подумал Аллейн, – как у нее это получается? Любая другая на ее месте выглядела бы глупо».

Наконец подарок извлекли на свет. Из пакета появилась небольшая зеленая вещица. Округлая и довольно примитивная, она изображала коренастую фигурку с огромной головой и кривыми ручками и ножками. Лицо уродца было изображено довольно схематично, но на нем ясно проступала злорадная улыбка. Каролин уставилась на нее с интересом и недоумением.

– Из чего она сделана? Из гагата? Забавная вещица, но...

– Из нефрита, – поправил Аллейн.

– Это тики, мисс Дэйкрес, – произнес чей-то глубокий голос.

Из рядов гостей, улыбаясь, выступил врач-маори – доктор Ранги Те Покиха.

Каролин повернулась к нему:

– Тики?

– Да. И очень красивый, насколько я могу судить.

Он скосил взгляд на Аллейна.

– Доктор Те Покиха оказал мне любезность и посоветовал эту вещицу.

– Я хочу знать о ней абсолютно все!

Доктор Те Покиха начал рассказывать. Он выражался довольно недвусмысленно и вогнал Форрестов в краску. Тики – символ народа маори. Он приносит удачу своему владельцу. Его внешний вид представляет собой человеческий зародыш и символизирует женскую плодовитость. Из разговора с доктором в гостинице Аллейн понял, что Те Покиха получил его от одного пакеха – белого человека, который сильно нуждался в средствах. Если бы тики принадлежал самому доктору, он бы ни за что с ним не расстался, но его владельцу очень нужны деньги. Фигурку отнесли в местный музей, где один из экспертов подтвердил ее

подлинность. Аллейн, повинаясь внезапному порыву, попросил показать ему тики и тут же его купил. Другой порыв заставил его подарить вещицу Каролин. Она с энтузиазмом выслушала эту историю и стала расхаживать по сцене, показывая всем подарок. Гордон Палмер, скупивший половину цветочной лавки, мрачно поглаживал на Аллейна. Мейеру, наоборот, тики очень понравился, и он поднес его к лампе, чтобы рассмотреть получше.

– Приносит удачу, говорите? – спросил он с интересом.

– Вы слышали, что он сказал, шеф, – отозвался Брэндон Вернон. – Символ плодородия, кажется, не так ли? Если считать это удачей...

Мейер быстро поставил предмет на пол, сложил руки на груди и начал бить поклоны.

– О, добрый тики-тики, помоги бедному Альфи, – зачастил он нараспев. – Я хороший и послушный мальчик, помоги мне.

Акройд что-то произнес вполголоса. Двое или трое мужчин фыркнули. Акройд, усмехнувшись, взял тики у Мейера, к нему присоединились Вернон и Мэйсон.

По лицам гостей стали бродить улыбки. Фигурка переходила из рук в руки: то здесь, тот там слышался подавленный смех. Аллейн взглянул на Те Покиха, и тот подошел к нему.

– Зря я это сделал, – пробормотал Аллейн.

– О, они просто забавляются, – любезно возразил доктор. Помолчав, он добавил: – Мой дедушка вел себя так же, когда в первый раз увидел распятие.

Каролин принялась рассказывать о происшествии, случившемся с Мейером в поезде. Все собрались вокруг нее, чтобы послушать. Снова раздался смех, но теперь он звучал по-другому – весело и добродушно. Мейер комически протестовал, подыгрывая жене.

Внезапно она заявила, что пора за стол. Рядом с каждым прибором лежала карточка с именем гостя. Аллейн нашел себя по правую руку от Каролин и по

левую от миссис Форрест, для которой спешно освободили место.

Каролин и Мейер сели друг против друга, по центру длинного стола. «Гнездо» из зелени и экзотических цветов находилось между ними, а красный шнур спускался к правой руке Каролин и был прикреплен к крышке стола. Она сразу спросила, что это такое, и пухлое лицо Мейера стало пунцовым от волнения.

Вечер получился многолюдным. Кроме двенадцати членов труппы, здесь были приглашенные гости и рабочие сцены: сама Каролин настояла на их присутствии, и они заняли отдельный стол, облачившись в свою лучшую одежду и смущенно поглядывая друг на друга. Лампы в зале погасили, трапезный стол освещался только огромным количеством свечей. Выглядело все это очень празднично и красиво.

Когда гости устроились, Мейер, сияя от удовольствия, встал с места и окинул взглядом стол.

– Дамы и господа, – воскликнул Акرويد, – всем молчать, когда говорит его величество Альфредо де Мейер!

Гости засмеялись: комик есть комик.

– Дамы и господа, – начал Мейер, – знаю, что сейчас неподходящее время для речей, но поскольку выпивки у нас нет и она не появится, пока я не сделаю соответствующего распоряжения, думаю, можно обойтись без объяснений.

– Прекрасно, – вставил Мэйсон.

– Через пару минут я попрошу вас поднять бокалы за здоровье очаровательной женщины и величайшей актрисы нашего столетия – моей жены Каролин.

«Однако», – подумал Аллейн. Гости весело загудели.

– Но прежде, чем вы это сделаете, я должен обеспечить вас выпивкой. Как видите, на столе ее нет, – с деланой небрежностью добавил Мейер, – однако я слышал, что боги заботятся о страждущих, и положился на волю высших сил. Помощник режиссера шепнул мне, что, если перерезать вот этот шнур, может

произойти что-то интересное. И я прошу мою жену это проверить. Рядом с ее тарелкой лежат ножницы.

– Милый, – воскликнула Каролин, – что ты задумал? Я обожаю сюрпризы. Надеюсь, я не обрушу на нас морские волны, словно Моисей? Или это был не Моисей?

Она взяла огромные ножницы. Мейер, пытаясь от возбуждения, перегнулся через стол и протянул руки к цветочной клумбе. За секунду до того, как Каролин перерезала шнур, он щелкнул скрытым выключателем. Среди зелени и лепестков вспыхнули красные и зеленые огоньки, осветив цветущее гнездышко, куда должна была опуститься жеробом и над которым склонился Мейер.

Все разговоры смолкли. В наступившей тишине Аллейн с каким-то необычным чувством смотрел на взбудораженных гостей, залитых слабым светом канделябров, на красивую женщину, сжимавшую в поднятой руке ножницы, словно статуя новоявленной Атропос[В античной мифологии Атропос – одна из трех богинь судьбы, которая перерезает нить жизни.], на карикатурную фигурку маленького толстяка, перегнувшегося через стол, и на красный шнур, убежавший куда-то под темный поток. Его вдруг охватила тревога, странный импульс, необъяснимо связанный с настроением этого момента. Чувство было настолько сильным, что он даже привстал с места.

Но Каролин уже перерезала шнур.

Что-то огромное с легким свистом обрушилось на стол. Валери Гэйнс громко вскрикнула. Раздался звон разбитого стекла, и в нос ударил острый запах шампанского, обильно выплеснувшегося на скатерть. В пышном гнезде из папоротника и цветов торчало что-то похожее на гигантский бильярдный шар. Белая пена шампанского смешалась с алой кровью. Валери Гэйнс продолжала кричать, не умолкая. Каролин, все еще с поднятой рукой, зачарованно смотрела на стол. Потом Аллейн услышал собственный голос, просивший всех немедленно уйти и увести Каролин.

– Отведите ее, Хэмблдон, прошу вас.

– Да, да, конечно. Идемте, Каролин.

Глава 5

Интермеццо

– Не трогайте его, – сказал Аллейн.

Он положил ладонь на руку Хэмблдона. Доктор Те Покиха, все еще щупавший смуглой рукой лоб Мейера, внимательно взглянул на Аллейна.

– Почему? – спросил Хэмблдон.

Джордж Мэйсон поднял голову. После того как остальные ушли из зала, он неподвижно сидел в конце стола, уронив голову на руки. Тед Гаскойн стоял рядом с Мэйсоном и без конца повторял:

– Это абсолютно безопасный фокус. Кто-то все подстроил. Мы сто раз репетировали утром. Говорю тебе, Джордж, кто-то приложил к этому руку. Клянусь богом, Джордж, тут что-то нечисто.

– Почему? – повторил Хэмблдон. – Почему нельзя его трогать?

– Потому что мистер Гаскойн может быть прав, – объяснил Аллейн.

Джордж Мэйсон в первый раз вмешался в разговор:

– Но зачем? Кому это могло понадобиться? Старина Алф! Он никогда и мухи не обидел.

Коммерческий директор обратил скорбное лицо к Те Покиха.

– Доктор, вы уверены, что он... что он умер?

– Можете сами убедиться, – ответил Те Покиха. – Шея сломана.

– Я не хочу.

Мэйсон побледнел и отвернулся.

– Что нам теперь делать? – спросил Гаскойн.

Все повернулись к Аллейну. «Я что, так похож на детектива? – подумал он. – Или Хэмблдон все-таки проболтался?»

– Боюсь, нужно позвонить в ближайший полицейский участок, – произнес он вслух.

Гаскойн и Мэйсон немедленно запротестовали:

– В участок? Господи Иисусе!

– Какого черта?

– Это был несчастный случай!

– Само собой.

– К сожалению, мистер Аллейн прав, – вмешался Те Покиха. – Дело требует участия полиции. Если хотите, я позвоню сам. У меня есть знакомый в городе инспектор.

– На вашем месте, – с горькой иронией заметил Мэйсон, – я бы позвонил организаторам тура. Раз уж все случилось на гастролях...

– Несчастный случай! – выпалил Гаскойн.

– Надо с этим что-то делать, Тед, – спокойно вставил Хэмблдон.

– Мы вместе создали эту компанию, – заговорил вдруг Мэйсон. – Когда я встретился с Алфом, он занимался дешевыми спектаклями в «Святой Елене». А я продавал билеты на худшее шоу Британии. Но мы быстро забыли о прошлом. Ни

разу никто никого не попрекнул. И смотрите, какой бизнес мы построили. – Его губы задрожали. – Господи, если кто-то его убил... Вы правы, Хейли. Я... У меня нет сил. Займитесь этим, Тед. У меня нет сил.

Доктор Те Покиха взглянул на Мэйсона:

– Не хотите присоединиться к остальным, мистер Мэйсон? Может быть, стаканчик виски? В вашем кабинете?

Директор медленно встал на ноги и подошел к столу. Он посмотрел на то, что осталось от головы Альфреда Мейера – пробитый череп, погруженный в зелень и осколки фонариков и мокрый от шампанского и крови. Две пухлых ручки все еще крепко сжимали края «гнезда».

– Боже мой! – воскликнул Мэйсон. – Мы что, его так и оставим?

– Это ненадолго, – мягко заметил Аллейн. – Я попрошу доктора Те Покиха отвести вас в кабинет.

– Алф, – пробормотал Мэйсон. – Старина Алф!

Он стоял растерянный, с трясущимися губами и плакал лицом. Аллейн, давно привыкший к подобного рода сценам, почувствовал, как в нем просыпается его личный демон, мало склонный доверять чужим эмоциям, зато дотошно отмечавший все детали. Демон указал ему на то, как естественно Гаскойн и Хэмблдон отнеслись к слезливым излияниям Мэйсона и как легко настроились на «похоронный» лад. «Словно заранее отрепетировали сцену», – заметил демон.

Мэйсона увели. Те Покиха ушел вместе с ним, пообещав позвонить в полицию. Неприкаянный Берт – тот рабочий сцены, что налаживал подъемный блок под руководством Мейера и Гаскойна, – перестал слоняться за кулисами и вышел на сцену. Он принялся объяснять Аллейну, как был задуман фокус с бутылкой шампанского.

– В общем, мы сделали так. Перекинули веревку через блок и на один конец повесили эту чертову бутылку, а на другой – треклятый груз. Для груза мы взяли угловые гири, которые использовали для этих распроклятых дымовых труб.

– Поаккуратней с выражениями, Берт, – мрачно буркнул Гаскойн.

– Без проблем, мистер Гаскойн. Короче говоря, груз был полегче, чем бутылка. Мы привязали к грузу этот красный шнур и закрепили его на столе. Если шнур перерезать, бутылка должна медленно опускаться, потому что она тяжелее, чем груз, понимаете? Бутылка и груз висят по разные стороны блока, поэтому когда первая опускается, второй ползет вверх. А веревка при этом скользит через кольцо на блоке. Мы погасили лампы и зажгли свечи, специально чтобы никто ничего не заметил. Бутылку эту мы гоняли вверх и вниз столько раз, что даже боссу стало тошно, и все работало отлично. Без сучка, без задоринки, правда, мистер Гаскойн?

– Верно, – ответил помощник режиссера. – Именно об этом я и говорю. Что-то тут нечисто.

– В точку, – угрюмо подтвердил Берт. – Дело нечисто.

– Я поднимусь наверх и посмотрю, что там, – предложил Гаскойн.

– Минутку, – остановил его Аллейн. Он достал из кармана блокнот и карандаш. – Вам не кажется, что с этим лучше не спешить, мистер Гаскойн? Если тут действительно замешан кто-то посторонний, наверное, будет лучше, если полиция окажется на месте первой, не так ли?

– О боже, полиция! – воскликнул Гаскойн.

– Я хочу посмотреть, как там Каролин, – заявил вдруг Хэмблдон.

– Все ушли в примерные, – буркнул Гаскойн.

Хэмблдон ушел. Аллейн закончил рисунок, который набрасывал в блокноте, и показал его Берту и Гаскойну.

– Вот так?

– Верно, мистер, – одобрил Берт. – Так все и было. Видите, когда она перерезала шнур, груз... – И он начал всю историю заново.

Аллейн взглянул на жеробоам. Бутыль была упакована в нечто вроде крепкой сетки, стянутой у горлышка и надежно привязанной к веревке.

– Странно, почему вылетела пробка? – пробормотал Аллейн.

– Державшую ее проволоку слегка ослабили, – объяснил Гаскойн. – Он – я имею в виду шефа – специально лазил для этого наверх. Ему не хотелось, чтобы, после того как бутылка спустится, произошла заминка. Он сказал, что проволока все равно будет держать пробку.

– Да, но ее не выбило ударом. А как насчет противовеса, мистер Гаскойн? Его надо было отцепить прежде, чем гости принялись бы за шампанское.

– Берт должен был залезть наверх и отцепить груз.

– Вообще-то я не должен был слезать, – поправил Берт. – Но шеф сказал: нет, сначала посмотри шоу, а потом уж забирайся. Я, говорит, сам за этим прослежу. Господи, мистер Гаскойн...

Через несколько минут Аллейн уже пробирался через кулисы. Здесь, на задворках сцены, было темно и пахло настоящим театром. Он шел вдоль стены, пока не наткнулся на начало железной лестницы. Ему живо вспомнилось его первое знакомство с театральным закулисьем. «Неужели мне достаточно только появиться в партере, – подумал он с раздражением, – чтобы тут же кого-нибудь убили? Неужели я не могу приехать на другой конец земного шара без того, чтобы театральному директору не разmozжили голову бутылкой с шампанским прямо на моих глазах? И если дело обстоит так, то почему, скажите на милость, я не могу хотя бы не совать свой нос в совершенно посторонние дела?»

Он надел перчатки и начал подниматься по лестнице. «Впрочем, на последний вопрос ответ очевиден. Потому что такая уж у меня натура. Если мне попадаетесь какое-то дело, я должен его расследовать». Он добрался до первой галереи,

посветил по сторонам фонариком и полез дальше. «Вопрос в том, как она это примет? А Хэмблдон? Собираются ли они пожениться сразу, как... впрочем, возможно, она его вообще не любит. Так, приехали».

Он снова включил фонарик и огляделся в верхней галерее. Параллельно с ней тянулась другая, а между ними была протянута металлическая балка, подвешенная на канатах. На балке был закреплен блок с перекинутой через него веревкой. Проследив за дальним концом веревки, он увидел, что она уходит под острым углом вниз, из темноты на свет. Отсюда, с высоты птичьего полета, открывался широкий вид на освещенную сцену, кулисные антресоли и длинную полосу праздничного стола. В самом его центре, на конце спущенной веревки, лежало что-то маленькое и плоское, похожее на расплющенного жука. Это был Альфред Мейер. Противоположный конец веревки, перекинутой через блок, заканчивался кольцом, на котором висел железный крюк. К этому же кольцу крепился и красный шнур, прежде тянувшийся к столу и обрезанный Каролин. Сейчас он свободно болтался в воздухе. А на крюке должен был висеть противовес.

Но его там не было.

Аллейн снова посмотрел на блок. Он увидел примерно то, что ожидал. На ближний конец балки была накинута петля из тонкого шнура, притянутая к верхней галерее. Она сдвигала подвижную балку примерно на восемнадцать дюймов в сторону. Вот почему бутылка упала не точно в центр, а ближе к правой стороне стола.

«Будь я проклят», – пробормотал Аллейн и вернулся на стену. Он нашел Теда Гаскойна возле служебного входа. Рядом с ним стояли два высоких смуглых человека, облаченных в плащи, шарфы и черные фетровые шляпы. Вместе с ними был офицер полиции и какой-то розоволицый коротышка, судя по всему, участковый врач.

«Хм, у них принято вызывать участковых врачей?» – подумал Аллейн.

Очевидно, они стояли здесь уже несколько минут. Гаскойн что-то быстро и растерянно говорил. Наконец он вывел их на сцену, где к ним присоединился доктор Те Покиха. Аллейн из-за кулис наблюдал за тем, как полиция приступила к осмотру места преступления. Странно было со стороны смотреть на людей,

которые делают твою работу. Детективы изучили нижнюю часть веревки, все еще примотанной к бутылочной сетке, и лежавший на столе кусок шелкового шнура. Гаскойн объяснил, как работал механизм, опускавший жеробоам. Все уставились на потолок. Гаскойн указал на болтавшийся вверху обрывок красного шнура.

– Он взлетел туда, когда мисс Дэйкрес его перерезала, – пояснил помощник режиссера.

– Я-я-ясно, – протянул один из детективов. – Вот как, значит, оно было. Ясно.

«Тут бы пригодилась моя зарисовка», – подумал Аллейн.

– Эй, – окликнули его сзади.

Это был Хэмблдон.

– Каролин хочет вас видеть, – шепнул он. – Что тут происходит?

– Полиция делает свою работу. Она хочет меня видеть?

– Да. Идемте.

Они прошли через темный коридор. Гримерная примадонны была первой слева. Хэмблдон постучал, открыл дверь и пригласил Аллейна войти. Каролин сидела за туалетным столиком. Она была все в том же черном кружевном платье, которое надела на праздник. Ее волосы стояли надо лбом всклокоченными прядями, словно только что она сидела, уронив голову на руки. В комнате находилась Сьюзен Макс. Актриса удобно устроилась в кресле, излучая спокойную уверенность, но ее глаза выражали тревогу. Когда она увидела Аллейна, ее взгляд прояснился.

– Он пришел, дорогуша, – произнесла Сьюзен.

Каролин медленно повернула голову.

– Здравствуйте, – сказала она.

– Здравствуйте, – ответил Аллейн. – Хэмблдон сказал, что я вам нужен.

– Верно.

Ее руки сильно дрожали. Она зажала их между коленями.

– Мне просто хотелось, чтобы вы были рядом, – пробормотала она. – Я его убила, правда?

– Нет! – решительно возразил Хэмблдон.

– Дорогая! – воскликнула Сьюзен.

– Да, убила. Я перерезала шнур. Поэтому он и погиб, верно?

Она все еще смотрела на Аллейна.

– Верно, – бесстрастно ответил Аллейн, – в том смысле, что вы пустили в действие механизм. Но ведь создали его не вы?

– Нет. Я ничего о нем не знала. Это был сюрприз.

Она судорожно вздохнула, и у нее вырвался странный звук, похожий на смех. Сьюзен и Хэмблдон растерянно переглянулись.

– О, – застонала Каролин, – о, о-о-о!

– Прошу вас, не надо, – попросил Аллейн. – Истерика – не лучший способ решать проблемы. Вам станет только хуже.

Она подняла руку и впилась в нее зубами. Аллейн взял со столика пузырек с нюхательными солями и поднес к ее лицу.

– Вдохните глубже, – потребовал он.

Каролин вдохнула и тихо охнула. Из ее глаз брызнули слезы.

– Вот так лучше... Вы плачете черными слезами. А я думал, эта тушь устойчива к воде. Взгляните.

Она беспомощно подняла на него глаза и посмотрела в зеркало. Сьюзен осторожно вытерла черные слезинки на ее лице.

– Вы ненормальный, – всхлипнула Каролин.

– Знаю, – согласился Аллейн. – Но это только поза. Хотите выпить немного бренди? Хэмблдон принесет.

– Нет.

– А я думаю, что хотите. – Он ободряюще взглянул на Хэмблдона, который с несчастным видом стоял у ее кресла. – Принесете?

– Да... Да, конечно.

Он поспешно вышел из комнаты.

Аллейн сел на один из дорожных сундуков и обратился к Сьюзен:

– Мне кажется, мисс Макс, наши встречи чреваты драматичными последствиями.

– Ох, – ответила она, издав что-то вроде смешка.

– О чем это вы? – спросила Каролин.

Она повернулась к зеркалу и дрожащей рукой накладывала пудру с помощью пуховки.

– Дело в том, что мы с мистером Аллейном уже встречались, дорогуша, – ответила Сьюзен. – Во время той ужасной истории с Феликсом Гарднером.

– Ах, да. Мы говорили об этом прошлой ночью в поезде. – Каролин помолчала и вдруг заговорила быстро и настойчиво, почти командным тоном: – Поэтому я вас и пригласила. Из-за той ночи. Вы помните, что вам тогда сказал мой... мой муж. Кто-то пытался его убить. Вы об этом думали?

– Думал, – ответил Аллейн.

– По-вашему, это может быть как-то связано с тем, что произошло? Может быть, тот человек просто закончил то, что пытался сделать в поезде? Мистер Аллейн, скажите... кто-то убил моего мужа?

Аллейн молчал.

– Прошу вас, ответьте.

– Этот вопрос надо задать полиции.

– Но я хочу услышать ваше мнение. Я должна знать, что вы думаете. – Она подалась вперед. – Вы здесь не на работе. Вы в незнакомой стране, как и все мы, и вы не обязаны ничего расследовать. Забудьте о профессиональном долге. Просто скажите, что вы об этом думаете?

– Ладно, – произнес Аллейн после паузы. – Я думаю, кто-то вмешался в работу механизма, устроенного для фокуса с шампанским.

– Значит, это убийство?

– Если я прав – да. Похоже на то.

– Вы расскажете об этом полиции? Она уже здесь, не так ли?

– Да, она здесь.

– Расскажите?

– Я тут всего лишь гость, мисс Дэйкрес. Я не собираюсь вмешиваться в это дело.

Но в его голосе не чувствовалось убежденности. Казалось, он чего-то недоговаривал. Каролин внимательно взглянула ему в глаза и повернулась к Сьюзен.

– Сьюзен, дорогая, мне надо поговорить с мистером Аллейном наедине. Вы не против? Спасибо. Вы очень любезны. Возвращайтесь скорее.

Когда Сьюзен ушла, Каролин подалась вперед и взяла Аллейна за руку.

– Скажите, – начала она, – вы испытываете ко мне дружеские чувства? Ведь испытываете, не так ли?

– Дружеские? Да.

– Я хочу, чтобы вы были моим другом. Вы не думаете, что я могу сделать что-нибудь плохое, верно? Или допущу, чтобы это сделал кто-нибудь другой?

– К чему вы клоните? – спросил он. – Что вам от меня нужно?

– Если мне понадобится ваша помощь – настоящая помощь, – смогу ли я на вас рассчитывать?

Каролин все еще держала его за руку. Она припудрила пятна, оставленные размокшей тушью, и ее лицо снова стало красивым. Все ее тело подалось вперед, приняв характерную позу, которую он часто видел на сцене. Ее влажные глаза умоляюще смотрели на него.

– Разумеется, – сдержанно ответил Аллейн, – если я могу быть чем-нибудь полезен, то с радостью...

– Нет, нет! Так не пойдет. Мне не нужны ваши любезности. – Голос Каролин, казалось, обрел прежнюю силу. – Я хочу серьезного ответа.

– Однако вы говорите и слишком мало, и слишком много. Какая конкретно помощь вам нужна?

– Я сама не знаю.

– Давайте так, – предложил Аллейн. – Я могу пообещать, что задержусь в Миддлтоне. Когда вы собирались ехать в Веллингтон?

– В Веллингтон? Первый спектакль должен быть на следующей неделе, но теперь... Я не знаю.

– Послушайте меня. Я хочу дать вам один совет. Не пытайтесь ничего скрывать, что бы это ни было. Парни из полиции захотят с вами побеседовать. Они будут задавать вам множество вопросов. Говорите им правду, даже самую неприятную и горькую, даже если вам покажется, что она работает против вас. Обещайте мне это, и тогда я приду вам на помощь, насколько это вообще в моих силах.

Каролин продолжала сидеть, глядя ему прямо в глаза. Но он почувствовал, как она от него удаляется, – так же явственно, как если бы она отодвинулась от него физически.

– Итак? – спросил он. – Мы договорились?

Но она не успела ответить, когда в комнату вошел Хейли Хэмблдон с бутылкой бренди.

– Детективы попросили всех собраться в гардеробной, – сообщил он. – Не знаю, относится ли это к вам, Аллейн.

– Надеюсь, вы им меня не выдали? – спросил Аллейн.

– Нет, что вы. Только мы трое знаем, что вы детектив.

– Тогда пусть так и останется, хорошо? – попросил Аллейн. – Я придаю этому большое значение.

– О, это я могу вам обещать, – ответила Каролин.

Их взгляды встретились.

– Спасибо, – сказал Аллейн. – Скоро я к вам присоединюсь.

Глава 6

Второе появление тики

– Кто там? – спросил самый рослый из трех детективов. – Подождите минутку, пожалуйста.

Он стоял на сцене и заметил Аллейна, который появился в открытых дверях.

– Это я, – кротким голосом ответил Аллейн и подошел ближе.

Детектив, Те Покиха и полицейский доктор собрались возле накрытого стола.

– Кто этот джентльмен, мистер Гаскойн? – поинтересовался детектив.

– Это... это... мистер Аллейн, инспектор.

– Он член труппы?

– Нет, – ответил Аллейн, – просто друг.

– По-моему, я ясно сказал, чтобы сюда не заходили посторонние. Что вы тут делаете, сэр? Неужели не понятно...

– Но я подумал, сэр, – заговорил Аллейн с видом оскорбленной невинности, который так бесил его всякий раз, когда он сталкивался с ним сам, – я подумал...

– Раз уж вы здесь, сообщите ваше имя и адрес, – перебил инспектор и достал блокнот. – Вас зовут Аллейн? А имя?

– Родерик.

– Произнесите вашу фамилию по бук...

Инспектор вдруг замолк и уставился на Аллейна.

– А-л-л-е-й-н, инспектор.

– Господи, помилуй!

– Из лондонского Скотленд-Ярда, – извиняющимся тоном добавил Аллейн.

– Боже правый! Ради бога, сэр, простите, что так вышло. Мы слышали, что вы... Но мы не знали... Я хочу сказать...

– Я как раз собирался позвонить вашему шефу в Веллингтоне, – заметил Аллейн. – У меня где-то завалялось его письмо. Давно надо было на него ответить. Вечно я с этим тяну.

– Мне очень жаль, сэр! Мы думали, вы в Окленде. Разумеется, мы вас ждали.

– Я изменил свои планы, – объяснил Аллейн. – Это целиком моя вина, инспектор...

– Уэйд, сэр, – ответил инспектор, густо покраснев.

– Как поживаете? – весело спросил Аллейн, протянув ему руку.

– Очень рад нашему знакомству, старший инспектор, – ответил инспектор Уэйд, энергично тряся его ладонь. – Очень, очень рад. Нас предупредили, что вы приедете. Император Никсон хотел отправиться в Миддлтон сразу после вашего прибытия. Да, да. Я немедленно с ним созвонюсь. Мы все воспитаны на вашей книге[«Теория и практика криминального следствия». Автор: Родерик Аллейн, магистр искусств (Оксфордский университет), Скотленд-Ярд. Изд-во «Сэйбл и Мергэтройд» (21 шилл.). – Примеч. авт.], сэр. Для нас большая честь познакомиться с автором.

– Это очень любезно с вашей стороны. – Аллейн осторожно высвободил руку. – Надо было позвонить вам сразу по приезде, но вы понимаете – новое место и прочее. Столько всяких событий. – Он окинул взглядом сцену.

– Вы абсолютно правы, сэр! И вот теперь мы встретились, так сказать, по долгу службы. Замечательно!

– Слава богу, не моей службы, – возразил Аллейн. – И вот еще что. Я не хотел бы афишировать род своих занятий. Так что, если вы не против, не говорите об этом остальным.

– Конечно, сэр. Надеюсь, вы познакомитесь с нашим парнями? Они будут безумно рады.

– Разумеется, я тоже буду рад. Только намекните им, чтобы ничего не говорили про Скотленд-Ярд. Ну, а теперь, поскольку я обычный гражданин, наверное, вы хотите задать мне несколько вопросов?

Новозеландец снова залился краской:

– Честно говоря, сэр, я чувствую себя немного глупо, но... В общем, да, мы должны выполнять свою работу.

– Вот и отлично, – мило улыбнулся Аллейн. – Дело есть дело, верно? Я бы с удовольствием посмотрел на ваши методы ведения следствия, если вы не против.

– О, вы слишком добры, сэр. По правде сказать, я хотел поподробней узнать, что здесь произошло. Вы ведь были на празднике, верно?

– Изложение событий со слов свидетеля, инспектор? – подмигнул Аллейн.

– Вот именно, – громко рассмеялся Уэйд, но тут же стал серьезным.

Двое его помощников, озадаченные этим неожиданным смехом, поспешили к шефу и тут же были представлены Аллейну. Сержант Касс и сержант Пакер. Пожав ему руку, оба мрачно уставились в пол. Аллейн кратко, но с профессиональной точностью описал обстоятельства трагедии.

– С ума сойти, – покачал головой Уэйд. – Нечасто такое услышишь от свидетеля. А как насчет этого трюка с шампанским, сэр? Вы сказали, что сделали рисунок?

Аллейн показал ему свой набросок.

– С виду все надежно, – заметил Уэйд. – Я заберусь наверх и посмотрю, что там и как.

– Сейчас картина немного изменилась, – заметил Аллейн. – Я уже был наверху. Надеюсь, вы не против, инспектор? Знаю, что влез не в свое дело, но я ничего не трогал и вряд ли причинил какой-то вред.

– Все в порядке, сэр, – поспешил заверить его Уэйд. – Никаких возражений. Не каждый день удастся поработать со Скотленд-Ярдом. Вы сказали, теперь там все не так, как на рисунке?

– Да. Хотите подняться вместе?

– Еще бы. Парни, поработайте пока здесь. Сделайте снимки и отвезите тело в морг. И вызовите побольше людей. Возьмите показания у помрежа и у того, кто сделал этот механизм. Касс, выполняйте. А вы, Пакер, снимите показания с остальных. Они уже собрались в гардеробной?

– Думаю, да, – ответил Аллейн. – Все гости разошлись, кроме мистера Гордона Палмера и его кузена мистера Уэстона: скорее всего, они остались. У мистера Джоржа Мэйсона, коммерческого директора труппы, есть список фамилий и адресов. В основном, это просто случайные знакомые актеров, которых пригласили на вечеринку. Только мистер Палмер и мистер Уэстон приехали на корабле вместе с труппой. Возможно, они могут пригодиться. Я даже уверен, что они с радостью останутся, – добавил он сухо.

– Без проблем, – кивнул Уэйд. – За работу, ребята. Мистер Аллейн, вы готовы?

Инспектор Уэйд начал первым подниматься по железной лестнице. Добравшись до первой галереи, новозеландец остановился и посветил фонариком.

– Со светом тут не густо, – пробормотал он.

– Подождите, – отозвался за спиной Аллейн. – Здесь должна быть панель с софитами. Попробую найти выключатель.

Он забрался в кабинку электрика и после двух или трех попыток включил верхние лампы. На полосы темного холста хлынул теплый золотистый свет.

– Без проблем, – пробормотал Уэйд.

«Удивительно, – подумал Аллейн, – до чего универсальна эта фраза. Она может выражать все что угодно, от сомнения до восторга».

Он тоже полез по лестнице.

– Что ж, сэр, – заметил Уэйд, – кажется, все выглядит так, как на вашем рисунке. В чем разница?

– Взгляните на ближний конец веревки, – ответил Аллейн, преодолевая последние ступеньки. – На то место, где к ней должен крепиться противовес. Посмотрите на...

Он оказался рядом с Уэйдом, который сидел, свесив ноги, на верхней платформе. Повернувшись назад, Аллейн посмотрел на балку с закрепленным на ней блоком.

– Вот это да! – воскликнул он. – Они повесили его на место.

Повисла длинная пауза. Аллейн неожиданно засмеялся.

– Здорово меня провели, – заметил он. – Чертовски ловко. По-моему, даже слишком. Вот в чем дело, инспектор. Когда я забрался сюда двадцать минут назад, на том конце не было противовеса, а вон та балка была смещена вправо с помощью веревочной петли.

– Неужели? – мрачно пробормотал Уэйд. Потом с извиняющимся видом взглянул на Аллейна. – Я хочу сказать: здесь ведь было темно, верно? Никакого света. И вполне возможно, что...

– Я видел их так же хорошо, как собственные пальцы, – перебил Аллейн. – И у меня был фонарь. Нет, кто-то явно исправил механизм. Наверное, это произошло в то время, когда я был в примерной. Господи, может, тот парень сидел здесь,

пока я карабкался по лестнице? Когда я спустился вниз, вы как раз вошли в театр.

– Вы хотите сказать, – с сомнением протянул Уэйд, – что, когда мы сюда пришли, механизм был испорчен, а потом кто-то восстановил его в прежнем виде? Мы бы наверняка это заметили, мистер Аллейн.

– Да каким же образом, мой дорогой друг? Простите, не обращайтесь на меня внимания. Я не собираюсь путаться у вас под ногами, инспектор. Избави боже. Просто запишите мои показания, и покончим с этим. Снова горбатиться на этих галерах – слуга покорный.

Уэйд, в поведении которого до сих пор странным образом смешивались почтительность, неловкость и натянутое дружелюбие, полностью оттаял.

– Ну что вы, сэр, – просиял он, – вам не за что извиняться. Сразу видно, что вы джентльмен. Мы читали о вашей работе в Англии. Если вам интересно, как это делается у нас, – будем рады. Честное слово. Очень рады.

– Весьма любезно с вашей стороны, – кивнул Аллейн. – Спасибо за доверие и прочее. Ладно, теперь о деле. Когда вы вошли в театр, то провели какое-то время у служебного входа, верно?

– Верно. Там нас встретил мистер Гаскойн и тут же начал рассказывать какую-то длинную историю. Мы вообще не знали, что стряслось. Просто приехали по вызову. Понадобилось несколько минут, чтобы разобраться, что к чему, и еще столько же, чтобы найти место, где лежало тело. Вы же знаете этих актеров.

– Разумеется. Выходит, пока вы стояли у сцены, наш парень был наверху и работал вовсю. Очевидно, вскоре после убийства он под шумок проник наверх, пока на сцене творилась вся эта катавасия. Когда он налаживал механизм, на лестнице послышалась моя «поступь командора». Думаю, я заставил его здорово понервничать. Он спрятался где-то в темноте, а когда я спустился, закончил свою работу. Потом, пока вы стояли на сцене, он под прикрытием декораций потихоньку спустился вниз по задней лестнице и смешался с толпой. Разумеется, пока это только догадка...

– Я читал вашу главу о догадках, – вставил Уэйд.

– Господи, Уэйд, не бейте меня моим собственным оружием, иначе я провалюсь сквозь эту сцену! Короче, догадка это или нет, но если мы как следует поищем, то наверняка найдем следы его манипуляций.

– Отлично, сэр. Давайте так и сделаем.

– Ладно. Идем вперед, только осторожней. Вот черт, здесь дыры.

Галерея представляла собой узкую платформу в виде редкой металлической решетки, которая тянулась вдоль стены по трем сторонам зала, включая и ту, что находилась за сценой. Ее ограждали железные перила, а к ним крепились канаты, поднимавшие театральный задник и другие декорации. Оба детектива стали обходить платформу по периметру, крепко держась за стену и осторожно переступая с планки на планку.

– В таких местах всегда полно пыли, – заметил Аллейн. – У меня было одно дело, где преступление произошло в такой же обстановке. Жертву столкнули с колосниковой решетки.

– Вы говорите о деле Гарднера, сэр? Я читал о нем.

– Будь я проклят, инспектор, вы знаете мои дела лучше, чем я сам. Минутку.

Они вышли из освещенной зоны и включили фонарики. Аллейн махнул в сторону перил:

– Вот видите, мы стоим напротив блока. В прошлый раз вокруг балки, на которой закреплен блок, была обмотана веревка. Да, вокруг этой. Веревоочная петля удерживала ее от раскачивания и была крепко привязана к перилам. Смысл был в том, чтобы отклонить балку примерно на восемнадцать дюймов вправо.

– Но зачем? – спросил Уэйд.

– Чтобы жеробом упала не в корзину с цветами, а прямо на шею бедному Альфреду Мейеру.

– Господи Иисусе.

– А вот, кстати, и тот самый кусок веревки. Аккуратно обмотан вокруг планки на перилах. Парень не дурак. Работал хладнокровно. Ну что? Идем дальше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/marsh_nayo/ubiystvo-v-stile-vintazh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)